

ДИЛОВЫЙ ПЛЕН

viva Dante

viva Dante

Лиловый плен

<https://litres.ru/74461299>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира — дочь эльфийского рода, скрывающая силу, способную изменить судьбу королевства. Маркус — хранитель древней магии, живущий мстью и не знающий пощады. Он похищает Миру, чтобы наказать ее за преступления отца, и запирает в своей замке, не подозревая, что пленница станет единственной, кто заставит его усомниться в собственной жестокости.

Между ними вспыхивает чувство, которому не место среди тайн, предательства и борьбы за власть. Пока королевство погружается в заговор, а запретная магия угрожает вырваться на свободу, Мира должна решить, можно ли доверять человеку, отнявшему у нее свободу.

Но Маркус скрывает правду, способную разрушить их хрупкий союз. И чем ближе они становятся, тем труднее понять: где заканчивается плен и начинается любовь?

Чтобы спасти королевство, им придется бросить вызов древнему проклятию, предать тех, кто считает их врагами, и сделать выбор, который изменит их навсегда.

viva Dante

Лиловый плен

Глава 1. Наследница рода Морт

Мира стояла перед высоким зеркалом, пока служанки вплетали в ее лиловые волосы тонкие серебряные нити.

Серебро мерцало в густых прядях, словно холодные лучи луны, застывшие в шелке. Каждое движение служанок отдавало легким натяжением у корней, но Мира не шевелилась. Она смотрела на свое отражение с тем вниманием, с каким обычно разглядывают незнакомку.

Лицо казалось почти нереальным даже ей самой. Фарфоровая кожа, высокие скулы, тонкие губы, чуть приподнятые вежливой улыбкой. Огромные фиолетовые глаза темнели в обрамлении густых ресниц, а под ними лежали едва заметные тени — след долгой бессонной ночи.

Сегодня ей предстояло обручиться.

Не втайне, не по воле сердца и даже не после долгого знакомства.

Сегодня два древнейших рода объявят о союзе, который изменит расстановку сил в эльфийском королевстве.

Род Морт и род Арден.

Тьма и свет.

Древняя кровь и корона.

— Не так туго, — тихо сказала Мира.

Служанка по имени Лисса тут же ослабила плетение.

— Простите, госпожа.

— Я не сержусь.

Лисса быстро опустила взгляд. Даже после этих слов ее плечи остались напряженными.

В поместье Морт никто не чувствовал себя свободно рядом с Мирой. Не потому, что она была жестока. Напротив, она старалась говорить мягко и никогда не наказывала слуг за мелкие ошибки. Но имя, которое она носила, тяжелее любой короны давило на тех, кто оказывался рядом.

Морт.

Древняя фамилия, произносить которую в королевстве старались с уважением, а за пределами дворца — со страхом.

О роде Миры ходили десятки легенд. Говорили, что первые Морты служили самой ночи. Что они умели призывать тени из-под земли, разговаривать с мертвыми и заключать договоры с существами, для которых даже демоны были лишь слабыми духами.

Большинство историй было преувеличено.

Но не все.

— Ваш отец уже в приемном зале, — сообщила вторая служанка, закрепляя у Миры за ушами тонкие цепочки с черными камнями. — Лорд Морт велел передать, что гости начали прибывать.

— Он сказал именно так?

— Да, госпожа.

— Тогда, вероятно, он хотел сказать, что я, как всегда, опаздываю, чем проявляю неуважение к его персоне.

Служанки снова замолчали.

Мира чуть улыбнулась своему отражению.

Отец не терпел опозданий. Не терпел возражений. Не терпел слабости. И особенно не терпел, когда что-то происходило не по его плану.

Сегодня все должно было пройти безупречно.

Она должна была спуститься в зал, улыбнуться нужным людям, принять поздравления и позволить Каэлю Ардену надеть на ее палец кольцо.

А затем все присутствующие выпьют за их будущее, словно это будущее действительно принадлежало им.

Служанка закончила прическу и отступила.

— Готово, госпожа.

Мира окинула себя взглядом.

На ней было платье из темно-лилового шелка. Узкий лиф подчеркивал фигуру, а длинные рукава почти полностью закрывали руки, оставляя открытыми лишь запястья. По ткани тянулась вышивка серебряными нитями — ветви ночной розы, древнего символа рода Морт.

На шее покоился кулон матери.

Черный кристалл в оправе из белого золота.

Единственная вещь, которую Мира сохранила после ее смерти.

Она коснулась камня кончиками пальцев.

— Вы прекрасны, госпожа, — прошептала Лисса.

Мира встретила с ней взглядом в зеркале.

— Ты говоришь это так, будто я отправляюсь на собственную казнь, а не на помолвку.

Служанка побледнела.

— Я не хотела...

— Я знаю.

Мира повернулась к ней и улыбнулась уже искреннее.

— Иди и не переживай. Все хорошо.

Когда служанки вышли, дверь бесшумно закрылась.

Тишина сразу стала плотнее.

За высокими окнами шумел вечерний ветер. Ветви древних деревьев царапали стекла, и их тени скользили по стенам, похожие на длинные черные пальцы. Поместье Морт стояло на северной границе королевства, вдали от столицы, среди лесов, где даже днем царил полумрак.

Замок построили на скале из черного камня. Его башни уходили в тучи, а глубокие подземелья, по слухам, существовали задолго до появления первых эльфийских королей.

В детстве Мира часто думала, что замок живой.

Он дышал вместе с ветром.

Слушал разговоры.

Хранил тайны своих хозяев.

С возрастом она перестала верить в подобные глупости.

Однако иногда по ночам, когда весь дом погружался в сон, Мира слышала из стен тихий шепот.

И всякий раз ей казалось, что замок произносит ее имя.

Она отошла от зеркала, но у двери остановилась.

На письменном столе лежал небольшой футляр, обитый черным бархатом. Мира открыла его и достала кольцо.

Помолвочное.

Она получила его три дня назад вместе с письмом от короля. Внутри кольца мерцал прозрачный камень, отливающий золотом, а по ободку были выгравированы гербы обоих родов — серебряная луна Мортов и солнечная корона Арде-нов.

Символ единства.

Символ власти.

Символ того, что два рода решили связать ее жизнь прежде, чем она успела понять, чего хочет сама.

Мира надела кольцо на палец.

Оно оказалось великовато.

Камень охлаждал кожу.

Она посмотрела на него и вдруг ясно представила, как золотая цепь сжимается вокруг запястья.

Мира резко сняла кольцо и вернула его в футляр.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился ее отец.

Лорд Эдриан Морт выглядел как всегда: безупречно, сдержанно, недоступно. Его длинные черные волосы были собраны на затылке серебряной застёжкой. Одежда — темный

камзол с высоким воротником, расшитый тонкими узорами,
— сидела на нем безукоризненно.

Он не носил оружия.

Ему оно не требовалось.

Темная магия рода Морт была сильнее любого клинка.

Отец скользнул взглядом по дочери, оценивая ее наряд,
прическу и выражение лица.

— Ты готова?

— Я что, выгляжу так, будто собираюсь сбежать?

— Ты слишком часто задаешь вопросы, на которые уже
знаешь ответы.

— Значит, ты признаешь, что я могу захотеть сбежать?

В его глазах промелькнуло раздражение.

— Не сегодня точно.

Мира взяла футляр с кольцом и спрятала его в складках
платья.

— А завтра?

— Завтра ты будешь герцогиней Арден.

— Если все пройдет по плану.

— Все пройдет по плану.

Отец всегда говорил это с такой уверенностью, будто сам
управлял судьбой. Возможно, именно поэтому многие вери-
ли ему. Даже король.

Эдриан прошел к окну и посмотрел на закат.

Солнце тонуло за лесом, окрашивая облака багровым све-
том. На фоне темного неба его профиль казался высеченным

из камня.

— Ты должна помнить, кто ты, — сказал он. — Сегодня в замке будут представители всех знатных родов. Они станут наблюдать за каждым твоим жестом, каждым словом.

— Я умею вести себя при дворе.

— Уметь мало. Ты — наследница Мортов. Твое поведение отражает не только тебя.

Мира стиснула пальцы.

— Разумеется. Я обязана улыбаться, пока все остальные решают, кому принадлежит моя жизнь.

Отец повернулся.

— Не устраивай сцен.

— Я говорю правду.

— Правда не всегда является достоинством.

Эта фраза была настолько похожа на него, что Мира почти усмехнулась.

— А что тогда достоинство?

— Умение молчать, когда твои слова могут навредить семье.

— Или умение делать вид, что ты согласна, когда на самом деле тебя никто не спрашивал.

В комнате стало холоднее.

Тени у стен дрогнули, будто отреагировали на напряжение между ними.

Эдриан заметил это. Его взгляд ненадолго опустился к полу.

- Ты слишком много времени проводишь в библиотеке.
- Там хотя бы книги не приказывают мне, кем быть.
- Каэль будет хорошим мужем.
- Я не говорила, что он будет плохим.
- Тогда перестань вести себя так, будто тебя ведут на

плаху.

Мира отвернулась.

Каэль действительно не был плохим.

Он был образован, красив и вежлив. Никогда не повышал на нее голос, никогда не позволял себе грубости. Их встречи проходили в присутствии наставников и придворных дам, поэтому по-настоящему узнать его Мира не смогла.

Он говорил о будущем королевства, о реформах, о торговых договорах и о том, как изменится жизнь их народа после свадьбы.

Ни разу он не спросил, чем хочет заниматься она.

Ни разу не поинтересовался, чего боится.

Ни разу не сказал, что любит ее.

Но и она сама не любила его.

— Я буду вежлива, — произнесла Мира.

— Ты будешь безупречна.

— Не могу обещать этого.

Отец не ответил. Вместо этого он подошел к двери и открыл ее.

— Гости ждут.

Мира последовала за ним.

Коридоры поместья были залиты светом десятков свечей. Пламя отражалось в черном мраморе пола, и от этого казалось, будто под ногами двигалась темная вода. На стенах висели портреты предков. Мужчины и женщины рода Морт смотрели с полотен с одинаково холодным спокойствием.

Некоторые из них были настолько древними, что художники изображали их в коронах.

Другие — с окровавленными руками.

Мира знала историю почти каждого.

Лорд Малькор Морт заключил союз с тeneвыми духами и исчез в подземельях.

Леди Селена Морт уничтожила восстание трех провинций, заставив мятежников сражаться друг с другом.

Ее прадед, Равен Морт, участвовал в войне против северных кланов и вернулся единственным выжившим из своего отряда.

Рядом с каждым портретом стояла табличка с именем и титулом.

Нигде не было написано, что они чувствовали.

Чего хотели.

О чем сожалели.

В семье Морт это считалось неважным.

Они оставляли после себя власть, а не исповеди.

У лестницы Мира увидела себя в высоком зеркале. Лило-вые волосы, серебро, темное платье, герб рода на груди.

Наследница.

Будущая жена наследника короны.

Дочь самого влиятельного лорда королевства.

И все же в собственном отражении она видела лишь девушку, которой хотелось хотя бы один раз сделать выбор, не спрашивая разрешения.

Внизу уже звучала музыка.

В главный зал вели широкие двери, распахнутые настежь. Оттуда доносились голоса, смех, звон бокалов и мягкие переливы струнных инструментов.

Когда Мира вошла, разговоры на мгновение стихли.

Она привыкла к подобным взглядам.

Люди смотрели на нее с восхищением, завистью, любопытством или осторожностью. Иногда — со всем сразу. Ее красоту обсуждали почти так же часто, как способности рода Морт.

Одни называли ее лунной принцессой.

Другие — дочерью тьмы.

Третьи шептались, что ее необычный цвет волос был признаком проклятия.

Мира научилась не реагировать.

Она подняла подбородок и улыбнулась.

— Леди Мира Морт, — объявил распорядитель.

Ее имя прокатилось под сводами зала.

Все взгляды обратились к ней.

У дальней стены, рядом с королем и королевой, стоял Каэль Арден.

Он был именно таким, каким его запоминали все: высокий, золотистокожий, с длинными светлыми волосами, собранными тонкой лентой. На нем был парадный бело-золотой костюм, украшенный символом солнца.

Каэль улыбнулся Мире.

Она ответила.

Их разделяло несколько десятков шагов, но между ними уже лежала вся жизнь, которую для них придумали другие.

— Ты прекрасна, — сказал Каэль, когда она подошла.

— Это все удачное платье.

— Я говорил не о платье.

Его голос был мягким, почти теплым. Вероятно, другая девушка растаяла бы от подобного комплимента.

Мира почувствовала лишь легкое смущение.

— Ты тоже выглядишь безупречно.

— Только безупречно?

— Не хочу, чтобы ты зазнавался.

Каэль тихо рассмеялся.

На миг он показался ей живым, настоящим. Не наследником трона, не будущим королем, а молодым мужчиной, которому действительно хотелось понравиться.

— Я рад, что ты сегодня здесь, — сказал он.

— А где еще я должна быть?

— Ты могла попросить отложить объявление нашей помолвки.

Мира посмотрела на него внимательнее.

— И ты бы поддержал меня в этом?

Каэль замолчал.

Это молчание сказало больше любого ответа.

Он отвел взгляд, а затем осторожно коснулся ее локтя.

— Мира, ты знаешь, насколько важен этот союз.

— Знаю.

— С тех пор как северные кланы начали собирать войска, королевству нужна опора. Род Арден не может в одиночку удерживать границы. Ваши маги...

— Могут сжечь половину королевства, если их разозлить.

— Я хотел сказать, что твой род обладает огромной силой.

— Сила моего рода, как всегда, принадлежит всем, кроме меня.

Каэль нахмурился.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ты не обидел.

Это было неправдой, но Мира сказала ее легко.

Вокруг них уже собирались гости. Леди из старинных родов улыбались, мужчины кланялись ее отцу, а придворные маги обсуждали детали будущего брака.

Мира заметила, как к ним направилась королева.

Она была женщиной зрелой красоты, с серебристыми волосами и спокойными серыми глазами. В отличие от многих придворных, королева не пыталась скрыть свое любопытство.

— Мира, — произнесла она, беря девушку за руки. —

Позволь мне первой поздравить тебя.

— Благодарю, Ваше Величество.

— Надеюсь, ты понимаешь, какой честью является стать частью нашей семьи.

Мира улыбнулась.

— Я понимаю, какое значение придают этому браку.

Королева на мгновение сжала ее пальцы сильнее.

— Иногда значение важнее чувств.

Слова были произнесены негромко, почти ласково.

Но Мира слышала в них предупреждение.

Королева отпустила ее руки и повернулась к гостям.

— Друзья мои, сегодня мы собрались, чтобы засвидетельствовать начало новой эпохи. Род Арден и род Морт связывают свои судьбы...

Дальше Мира почти не слушала.

Она стояла рядом с Каэлем, улыбалась в нужные моменты и чувствовала, как каждый взгляд впивается в нее, будто острие иглы.

Ей казалось, что она находится в центре огромной паутины. Нити тянулись от отца к королю, от короля к совету, от совета к древним родам. И каждая нить была закреплена на ней.

— ...их дети станут наследниками объединенной крови,
— продолжала королева.

По залу пронесся одобрителный гул.

Мира ощутила, как Каэль взял ее за руку.

Его ладонь была теплой.

Уверенной.

Она позволила ему держать себя, хотя внутри все сопротивлялось.

Отец смотрел на нее с другого конца зала.

Мира знала этот взгляд.

Не ошибись.

Не опозорь нас.

Будь достойна имени Морт.

Распорядитель поднес на серебряной подушке футляр с кольцом. Каэль взял его, открыл и повернулся к Мире.

Музыка стихла.

Гости замерли в ожидании.

— Мира Морт, — произнес он, и его голос прозвучал громче, чем прежде. — Перед лицом короны, наших родов и всех свидетелей я прошу тебя стать моей супругой.

Он говорил правильно.

Красиво.

Так, как учили говорить будущих королей.

Мира посмотрела на кольцо.

Золотой камень отражал свет свечей.

На мгновение ей показалось, что внутри него движется черная тень.

Она моргнула, и видение исчезло.

— Я согласна, — произнесла Мира.

Кто-то в зале облегченно выдохнул.

Каэль надел кольцо ей на палец.

На этот раз оно подошло идеально.

Слишком идеально.

Аплодисменты раздались со всех сторон. Музыка вновь заиграла, слуги начали разносить вино, а гости поспешили окружить помолвленных с поздравлениями.

Мира улыбалась.

Она принимала поклоны, слушала пожелания счастья, позволяла незнакомым людям касаться ее рук и осыпать ее любезностями.

«Какая прекрасная пара».

«Какое могущество теперь сосредоточится в их руках».

«Скоро королевство станет сильнее, чем когда-либо».

Никто не говорил о любви.

Никто не спрашивал, счастлива ли она.

Через некоторое время Каэль пригласил ее на танец.

Мира вложила руку в его ладонь.

Они вышли в центр зала. Струны заиграли плавную мелодию, и Каэль повел ее по кругу.

Он танцевал превосходно. Уверенно, легко, без единой ошибки.

— Ты молчишь, — заметил он.

— Все говорят за нас.

— Ты сердишься на меня?

— Нет.

— Тогда на кого?

Мира посмотрела поверх его плеча.

На противоположной стороне зала стоял высокий мужчина в черном.

Она не помнила, когда он вошел.

Гости обходили его стороной, словно чувствовали исходящую от него угрозу. Его одежда не соответствовала придворной моде: темный плащ, застегнутый у горла, высокие сапоги, перчатки с серебряными застёжками.

Лицо мужчины скрывала полутень.

Но Мира заметила глаза.

Холодный блеск серебра.

Он смотрел не на Каэля.

На нее.

Всего несколько секунд их взгляды встретились, но Мира вдруг почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод.

В этом взгляде не было восхищения.

Не было любопытства.

Только ненависть.

Такая глубокая и спокойная, что Мира невольно сбилась с шага.

— Ты ошиблась, — мягко сказал Каэль, удерживая ее за талию.

— Кто этот человек?

Когда она снова посмотрела в ту сторону, незнакомца уже не было.

Осталась лишь темная арка, за которой клубилась тень.

— Где?

— Там стоял мужчина.

Каэль нахмурился.

— Наверное, один из магов.

— Он не был похож на придворного.

— Сегодня здесь много гостей. Не обращай внимания.

Легко сказать.

Мира продолжила танцевать, но теперь постоянно чувствовала на себе невидимый взгляд.

Музыка закончилась. Каэль поклонился ей, и гости снова зааплодировали.

Мира улыбнулась, хотя сердце билось быстрее обычного.

Позже, когда поздравления начали повторяться, она вышла на балкон.

Ночной воздух оказался прохладным. Внизу, под стенами замка, простирался лес. Темные кроны деревьев сливались в бесконечное море, а между ними пробивался туман.

Мира оперлась ладонями на каменные перила.

На пальце блеснуло помолвочное кольцо.

За ее спиной открылась дверь.

— Я знал, что найду тебя здесь.

Каэль вышел на балкон и встал рядом.

— В зале слишком душно.

— Тебе не нравится праздник?

— Праздник мне нравится. Не нравится быть его главным украшением.

— Сегодня ты не украшение, Мира. Ты — будущая королева.

— Я еще не стала твоей женой.

— Это вопрос времени.

Он произнес это спокойно, но в его голосе не было сомнения.

Каэль смотрел на лес.

— После свадьбы ты переедешь в столицу. Тебе приготовят покои в восточном крыле дворца.

— А если я не захочу покидать родовое поместье?

— Твой отец не станет возражать.

— Я спрашиваю не о нем.

Каэль повернулся к ней.

— Тебе будет хорошо во дворце.

— Ты не можешь этого знать.

— Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Мира взглянула на него.

— Счастье — это не только красивые комнаты и дорогие платья.

— Я знаю.

— Правда?

Каэль помолчал.

Впервые за весь вечер его безупречная маска дала трещину.

— Я не прошу тебя любить меня сегодня.

Мира застыла.

— А когда?

— Когда-нибудь.

— Очень удобное слово.

— Мира...

— Я не обвиняю тебя. Ты тоже не выбирал этот брак.

Каэль сжал челюсть.

— Я выбрал бы его.

— Почему?

— Потому что ты сильная. Умная. Потому что рядом с тобой я не чувствую себя слабее, хотя ты принадлежишь к роду, которого боятся даже мои советники.

— Это звучит как политическая причина.

— Возможно.

Он посмотрел на нее, и в его глазах появилось что-то, похожее на искренность.

— Но я хочу узнать тебя лучше.

Мира не знала, что ответить.

Каэль был добр к ней. Он не заслуживал ее холодности. Но доброта не означала свободу, а уважение не заменяло любви.

Внизу, за деревьями, сверкнула молния.

Гром пришел несколькими мгновениями позже.

Мира вздрогнула, хотя сама не поняла почему.

В лесу между стволами на миг возникла высокая фигура.

Черный плащ.

Серебряные глаза.

Тот же незнакомец.

Он стоял далеко от замка, там, где ни один обычный гость не смог бы оказаться незамеченным. Туман стелился вокруг его ног, а ветер трепал край плаща.

Мира не слышала слов, но была уверена: мужчина смотрит прямо на нее.

А затем он поднял руку.

Вокруг его пальцев вспыхнуло черное пламя.

Мира резко отступила от перил.

Вспышка погасла.

Фигура исчезла.

— Что случилось? — спросил Каэль.

— Там кто-то был.

Он подошел к краю балкона и посмотрел вниз.

— Где?

— В лесу.

— Я ничего не вижу.

— Он стоял прямо там.

Каэль нахмурился и коснулся висевшего на поясе меча.

— Я позову стражу.

— Нет.

— Мира, если кто-то проник на территорию...

— Я могла ошибиться.

Она не хотела объяснять, что видела черное пламя.

Не хотела, чтобы отец узнал.

Не хотела, чтобы охрана отправилась в лес и обнаружила там того, кто смотрел на нее с такой ненавистью.

Почему-то Мира была уверена: если этого человека найдут, он не станет защищаться.

Он нападет.

И тогда кто-то умрет.

— Ты бледна, — сказал Каэль.

— Просто устала.

— Я провожу тебя.

— Не нужно.

— Мира.

В его голосе впервые прозвучала твердая нота.

Не приказ, но почти.

Она хотела возразить, однако в этот момент из зала донесся громкий смех гостей.

Все они праздновали ее помолвку.

Все они были уверены, что сегодня началась новая, прекрасная глава ее жизни.

Мира посмотрела на кольцо.

Золотой камень снова показался ей темным.

— Хорошо, — сказала она. — Проводи меня.

Они вернулись в зал.

Праздник продолжался до глубокой ночи. Гости пили, танцевали и обсуждали будущую свадьбу. Отец несколько раз подходил к Мире, чтобы напомнить о необходимости приветствовать очередного важного лорда. Королева пригласила ее на беседу о свадебных приготовлениях. Каэль почти не отходил от нее.

Мира улыбалась до тех пор, пока не заболели мышцы лица.

Когда наконец прозвучали последние тосты, она поднялась к себе.

Коридоры были пусты.

Свечи почти догорели, оставляя после себя запах воска и трав. Где-то внизу слуги убрали зал, звенела посуда, слышались приглушенные голоса.

Мира закрыла дверь спальни и прислонилась к ней спиной.

Тишина.

Наконец-то.

Она медленно сняла украшения, распустила волосы и подошла к окну.

Ночь была безлунной.

Лес лежал неподвижно.

Мира коснулась стекла.

Оно оказалось ледяным.

На поверхности, прямо перед ее пальцами, начал проступать узор.

Сначала тонкая черная линия.

Затем вторая.

Они складывались в символ, которого Мира никогда прежде не видела: круг, перечеркнутый вертикальной чертой, а вокруг — острые знаки, похожие на руны.

Мира отдернула руку.

Рисунок исчез.

На стекле осталось лишь ее отражение.

Фиолетовые глаза.

Лиловые волосы.

Помолвочное кольцо.

И темная тень за плечом.

Мира обернулась.

В комнате никого не было.

Но на подоконнике лежала черная роза.

Ее лепестки блестели, будто были покрыты инеем.

Мира осторожно приблизилась. От цветка исходил слабый запах дыма и чего-то горького, незнакомого.

К стеблю была привязана узкая полоска черной ткани.

На ней серебряными буквами было вышито всего два слова:

«Ты заплатишь».

Мира долго смотрела на послание.

Страх поднимался внутри холодной волной, но вместе с ним появлялось другое чувство — злость.

Она не знала, кто оставил розу.

Не знала, за что должна платить.

Не знала, почему незнакомец смотрел на нее так, будто видел перед собой не девушку, а давнего врага.

Но одно Мира понимала точно.

Сегодняшний вечер не был началом счастливой жизни.

Он был началом чего-то другого.

Чего-то темного.

И это темное уже знало ее имя.

Глава 2. Черный маг

Маркус наблюдал за праздником сначала с крыши соседней башни, затем прямо из зала, где проходило торжество.

Его плащ развевался на ветру, а вокруг пальцев клубилась тьма.

Она стекала по коже тонкими черными лентами, собиралась у ног и растворялась в каменных плитах. С высоты Маркус видел весь замок Морт: высокие башни, острые шпили, узкие окна, сияющие теплым золотым светом. За стенами простирался лес, такой густой, что даже лунный свет не проникал под его кроны.

В главном зале играла музыка.

Гости прибывали один за другим, поднимаясь по парадной лестнице и исчезая за высокими дверями. На площади перед замком горели факелы, а слуги в темных ливреях встречали кареты знатных родов.

Сегодня род Морт праздновал помолвку своей наследницы.

Мира Морт.

Маркус знал ее имя задолго до того, как увидел ее лицо.

Имя, которое последние недели звучало в устах придворных, как новая молитва.

Имя, связанное с древней кровью.

Имя дочери человека, который отнял у Маркуса все.

Он стоял на краю башни, глядя на освещенные окна, и сжимал пальцы до боли. Тьма отзывалась на его гнев, шевелилась вокруг запястий, готовая сорваться с цепи.

Еще несколько лет назад Маркус не позволил бы себе наблюдать.

Он ворвался бы в замок.

Убил бы каждого, кто встал на пути.

Добрался бы до Эдриана Морта и заставил его вспомнить ночь, когда Лира кричала у алтаря.

Но месть, если дать ей время, становилась похожа на яд.

Она медленно проникала в кровь, пропитывала мысли, меняла голос, заставляла человека жить не ради будущего, а ради одного-единственного прошлого.

Маркус позволил яду остаться в себе.

Он научился ждать.

Сегодня он пришел не за Эдрианом.

Сегодня он пришел за его дочерью.

Мира появилась в зале чуть позже назначенного времени.

Маркус увидел ее через раскрытые окна, когда она спустилась по лестнице. Вокруг нее разом стихли разговоры. Гости оборачивались, провожали ее взглядами, улыбались, перешептывались.

Она была прекрасна.

Не той мягкой, беззащитной красотой, которую воспевали поэты при дворе. В Мире было что-то холодное и опасное. Ее лицо казалось высеченным из белого камня, а лило-

вые волосы мерцали в свете факелов, словно в них запутался сумеречный огонь.

На ней было платье цвета ночного неба. Серебряная вышивка подчеркивала каждое движение, а на груди сиял черный кристалл.

Кулон Лиры.

Нет.

Маркус заставил себя выдохнуть.

Он слишком хорошо помнил этот кулон.

Лира носила похожий — небольшой лунный камень на тонкой цепочке. Часто касалась его пальцами, когда волновалась. Маркус не раз целовал холодный камень, прежде чем коснуться ее шеи.

Но это была не Лира.

Лира смотрела на мир с теплом.

Мира Морт улыбалась так, как улыбаются люди, привыкшие скрывать правду.

Маркус покинул крышу.

Тени приняли его, переноса с башни в сад. Он появился между кипарисами, где густые ветви скрывали его от стражи. Сад был устроен в форме лабиринта. Дорожки из черного камня пересекались среди кустов ночных роз, а фонтаны вместо воды наполнялись серебристым светом.

Маркус прошел вдоль стены и остановился у бокового входа.

Здесь стояли двое охранников.

Они не успели его заметить.

Тьма поднялась от земли, сомкнулась на их шеях и беззвучно отбросила обоих к стене. Маркус не стал проверять, живы ли они. Времени было мало.

Он вошел в замок.

Внутри пахло вином, воском и дорогими благовониями. Из главного зала доносилась музыка. Маркус двигался по коридорам бесшумно, сливаясь с тенями между колоннами.

На нем был темный плащ без герба, простая одежда и перчатки, расшитые серебряными нитями. При свете его можно было принять за наемного мага или посланника одного из северных родов.

Но большинство людей обходили его, даже не понимая почему.

Инстинкт предупреждал их об опасности.

Маркус вошел в зал, когда Мира танцевала с Каэлем Арденом.

Наследник короля держал ее за талию с тем спокойным самодовольством, которое появлялось у людей, уверенных в своем праве владеть всем вокруг. Каэль был красив — слишком красив для человека, которого Маркус собирался возненавидеть. Золотые волосы, ясные глаза, безупречная улыбка.

Он казался достойным будущим королем.

Но Лира тоже однажды верила, что королевский двор способен защитить тех, кто служит ему.

Маркус сжал челюсть.

Музыка замедлилась. Мира подняла голову, и их взгляды встретились.

На короткое мгновение все вокруг словно исчезло.

Она смотрела прямо на него.

Не испуганно. Скорее настороженно, словно чувствовала исходящую от него тьму и не могла решить, является ли она угрозой.

Маркус позволил себе рассмотреть ее внимательнее.

У нее были глаза цвета темного аметиста. В них не было легкомыслия, свойственного избалованным наследницам. Она следила за происходящим слишком внимательно. Слушала, даже когда улыбалась. Замечала больше, чем хотела показать.

Это раздражало.

Мира должна была быть слабым местом Эдриана.

Простым рычагом.

Дочерью, которая рухнет, когда поймет, что отец обрек ее на расплату.

Но сейчас Маркус увидел перед собой не беспомощную девочку.

Он увидел женщину, способную сопротивляться.

Это усложняло план.

Когда танец закончился, Мира еще раз посмотрела в его сторону.

Маркус отвернулся первым.

Он не хотел, чтобы она запомнила его лицо. Не сегодня.

Ей достаточно было почувствовать присутствие врага.

Страх должен был проникнуть в ее мысли раньше, чем он появится перед ней.

Маркус вышел в боковой коридор и остановился у окна.

В отражении стекла он увидел знакомое лицо: резкие черты, высокие скулы, черные волосы, собранные на затылке. Под глазами залегли тени, которые не исчезали даже после долгого сна. Радужки казались почти серебряными из-за силы, которая жила в нем.

Когда-то Лира говорила, что его взгляд похож на зимнее небо.

Она смеялась, когда он не соглашался.

— В зимнем небе есть свет, — говорила она. — А ты притворяешься, будто внутри тебя только ночь.

Маркус закрыл глаза.

Лира.

Он помнил ее живой.

Помнил утро, когда они встретились на мосту у Серебряной реки. Она стояла босиком на влажном камне, держа в руках корзину с травами, и ругалась на птиц, расклевавших ее запасы.

Помнил ее смех — звонкий, настоящий, совершенно неподходящий для мрачных залов, где они оба выросли.

Помнил ее теплые ладони.

Помнил, как она засыпала у него на плече, пока он читал древние свитки.

Помнил, как она обещала встретить рассвет вместе.

— На восточном холме, — сказала Лира в ту ночь. — Там солнце поднимается над облаками. Ты увидишь, как тьма отступает.

— Тьма не отступает.

— Тогда заставим ее.

Он поцеловал ее в лоб и пообещал, что будет рядом.

Они не встретили рассвет.

Потом был ритуал.

Пламя.

Крик.

И имя Эдриана Морта, произнесенное перед смертью Лир.

Маркус открыл глаза.

На мгновение он снова оказался в храме.

Вокруг стояли черные колонны, покрытые древними письменами. В центре алтаря была Лира. Ее руки связали серебряными цепями, а на полу горели руны, наполненные багровым светом.

Она смотрела на Маркуса.

Не на магов.

Не на Эдриана.

На него.

— Не подходи! — кричала она. — Маркус, не дай им...

Вспышка пламени оборвала ее слова.

Он помнил запах горелой крови.

Помнил, как бросился вперед и ударился о невидимую стену.

Помнил, как Эдриан Морт стоял по другую сторону алтаря, холодный и спокойный.

— Она отказалась говорить, — произнес лорд Морт. — Ее смерть — необходимая цена.

Маркус не слышал остального.

Он видел только Лиру.

Видел, как огонь поднялся вокруг нее.

Слышал ее последний крик.

А затем она прошептала:

— Найди Корону...

Ее голос исчез.

Вместе с ним исчезла часть самого Маркуса.

С тех пор он искал виновных.

Сначала тех, кто присутствовал в храме.

Затем тех, кто отдал приказ.

Потом тех, кто знал и промолчал.

Большинство уже лежало в земле.

Но Эдриан Морт был защищен своим именем, магией и близостью к короне. Даже король не позволил бы Маркусу открыто обвинить его без доказательств.

Поэтому Маркус выбрал другой путь.

Он заберет Миру.

Заставит Эдриана почувствовать страх.

Заставит его понять, что чужая боль может вернуться из

темноты.

В зале началась новая музыка.

Маркус снова посмотрел туда, где стояла Мира.

Вокруг нее собрались придворные. Она улыбалась, принимала поздравления, отвечала на вопросы. Однако пальцы ее левой руки постоянно касались помолвочного кольца.

Мира не хотела этого брака.

Маркус понял это сразу.

Она была достаточно умна, чтобы скрыть от гостей свое недовольство, но не настолько опытна, чтобы спрятать его от человека, привыкшего читать страхи.

В какой-то момент к ней подошла королева. Между ними состоялся короткий разговор. Затем Каэль проследовал за Мирой на балкон.

Маркус наблюдал, как они вышли под открытое небо.

Он не слышал их слов, но видел выражение лица Миры. Она была напряжена. Каэль что-то говорил, пытаясь выглядеть заботливым, но его рука лежала на ее локте слишком уверенно.

Мира отстранилась.

Каэль нахмурился.

Маркус почувствовал странное раздражение.

Он не имел права ревновать ее к наследнику короля.

Мира была частью плана.

Не более.

Она была дочерью Эдриана. Его кровью. Его наследницей.

Но когда Каэль снова прикоснулся к ней, тьма вокруг пальцев Маркуса дрогнула.

Он заставил ее успокоиться.

В этот момент Мира посмотрела в сторону леса.

Маркус стоял у дальнего края сада, за пределами света. Даже через расстояние он заметил, как ее взгляд остановился на нем.

Она увидела черное пламя, вспыхнувшее у его руки.

Маркус позволил себе всего одно предупреждение.

Затем исчез.

Он вернулся в сад через потайной проход, который обнаружил несколькими днями ранее. Древний замок Морт был построен на магических пластах, и его стены хранили не только тайные коридоры, но и старые заклинания. Большинство из них ослабло, однако некоторые продолжали работать.

Через несколько минут он стоял у фонтана, скрытый густыми кустами.

Полночь приближалась.

Часы на главной башне пробили одиннадцать.

Маркус достал из внутреннего кармана маленький черный кристалл. На его поверхности мерцали серебряные знаки.

Кристалл принадлежал Лире.

Ей удалось спрятать его перед ритуалом. Маркус нашел его спустя три дня среди обгоревших камней храма.

Он не знал, что именно хранилось внутри.

Лира была искусной магичкой и умела запечатывать вос-

поминания, слова и даже части собственной силы. Кристалл откликался только на кровь рода Морт.

Именно поэтому Маркус пришел за Мирой.

Не только ради мести.

Ему нужна была ее кровь.

— Ты здесь? — прошептал он.

Ветер прошелестел в ветвях.

Кристалл потемнел.

Маркус сжал его в ладони.

Значит, печать еще не была снята.

Он посмотрел на окна замка.

В одном из них появился свет.

Мира.

Ее силуэт мелькнул за стеклом, и на мгновение Маркус подумал, что она смотрит прямо на него.

Он хотел отвернуться, но не смог.

Наследница Мортвов стояла одна, без свиты и защитников. Она сняла украшения, распустила волосы, и теперь в ней было меньше придворной холодности. Она выглядела моложе. Почти хрупкой.

Маркус напомнил себе, что хрупкость может быть оружием.

Лира тоже казалась хрупкой.

До тех пор, пока не встала против всего королевского совета.

Мира отошла от окна.

Маркус подождал.

Когда в замке погасли последние огни, он вышел из сада.

Часы пробили полночь.

Первый удар прокатился над стенами.

Второй отдался гулом в подземельях.

На третий удар Маркус поднял руку.

Тьма разлилась по саду.

Она не была обычной тенью. В ней двигались силуэты, слышались приглушенные голоса, а трава под ногами покрывалась инеем. Черная магия скользнула по стенам, проникла в щели, погасила факелы и заставила защитные руны вспыхнуть болезненным красным светом.

Стражники закричали.

Из замка донесся звон тревожного колокола.

Маркус улыбнулся без радости.

Пора.

Он вошел в северное крыло, где находились комнаты Миры.

Путь ему преградили четверо охранников. Они вытащили клинки, но не успели сделать и шага. Тьма поднялась из-под пола, обвилась вокруг их ног и швырнула во все стороны.

Один стражник попытался призвать огонь.

Маркус сжал пальцы, и пламя погасло.

— Не вмешивайтесь, — сказал он.

Его голос был тихим, но стены донесли его до каждого уголка замка.

Он подошел к двери Миры.

На ней был выгравирован герб рода Морт — черный полумесяц, пересеченный серебряным клинком.

Маркус коснулся руны.

Магия рода оттолкнула его.

Волна силы ударила в грудь, заставив его отступить на шаг. На ладони вспыхнули ожоги, но он даже не поморщился.

— Значит, ты защищаешь ее, — прошептал Маркус.

Он знал: родовая магия признавала только кровь Мортвов. Никого другого она не впустит без согласия наследницы.

Маркус достал из кармана черную розу.

Лепестки были покрыты инеем. У стебля он закрепил полоску ткани с коротким посланием.

Ты заплатишь.

Роза была оставлена у окна не как угроза, а как предупреждение.

Он хотел, чтобы Мира понимала: за стенами замка есть кто-то, кто знает правду.

Кто-то, кто придет за ней.

Маркус собирался отступить, но вдруг услышал звук.

Не шаги.

Не крик.

Шепот.

Он исходил из-за двери.

— Кто ты? — спросила Мира.

Маркус замер.

Она не спала.

— Тот, кого тебе следует бояться.

— Если бы ты хотел напугать меня, то не стал бы отвечать.

В ее голосе звучало напряжение, но не паника.

Маркус почти улыбнулся.

— Ты дочь Эдриана Морта?

За дверью повисла пауза.

— Почему ты спрашиваешь то, что и так знаешь?

— Хочу услышать ответ.

— Да.

Одно слово.

Спокойное, прямое.

Маркус сжал челюсть.

Перед глазами снова вспыхнул алтарь.

Лира в огне.

— Тогда передай отцу, что прошлое вернулось.

— Кто ты?

— Тот, кто пережил его предательство.

Мира подошла ближе. Маркус слышал легкий шелест тка-

ни.

— Если у тебя есть претензии к моему отцу, говори с ним.

— Я говорил.

— И он не ответил?

— Он ответил пламенем.

На этот раз тишина была длиннее.

Маркус представил ее лицо по другую сторону двери. Фиолетовые глаза, настороженно следящие за каждой щелью. Возможно, она держала оружие. Возможно, уже позвала охрану.

— Что произошло? — спросила Мира.

— Спроси у Эдриана.

— Я спрашиваю тебя.

В ее голосе звучало не только любопытство. В нем была осторожность, но также и вызов.

Маркус провел пальцами по обожженной ладони.

— Твой отец убил мою невесту.

За дверью что-то упало.

Вероятно, подсвечник или небольшой столик.

— Этого не может быть.

— Разве?

— Мой отец не стал бы...

— Не стал бы что? Убивать? Приносить невинных в жертву? Лгать?

Мира молчала.

Маркус почувствовал, как его ярость, до этого подчиненная, начинает просачиваться в голос.

— Ты носишь его кровь. Живешь в его замке. Принимаешь подарки людей, которым он кланяется. И сегодня согласилась стать частью королевской семьи, словно ничего не произошло.

— Я не знала о твоей невесте.

— Незнание не делает тебя невиновной.

— А мое рождение делает меня виновной?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Маркус не ответил сразу.

Он пришел, чтобы ненавидеть ее. Это было просто. Удобно. Она была дочерью Эдриана, его наследницей, его гордостью.

Но теперь ее голос звучал слишком живым.

Слишком честным.

— Ты похожа на него, — сказал Маркус.

— Все так говорят.

— Это не комплимент.

— Я и не приняла его за такой.

Внутри Маркуса что-то болезненно дрогнуло.

Мира была не покорной куклой. Она спорила даже с незнакомцем, стоявшим за ее дверью посреди ночи.

— Ты не боишься меня? — спросил он.

— Боюсь.

— Но продолжаешь разговаривать.

— Страх не заставит меня молчать.

Маркус положил ладонь на дверь.

Тьма под кожей отозвалась на близость ее крови. Защитная руна засияла, и от дерева пошел тонкий дым.

Мира сразу отступила.

— Что ты делаешь?

— Открываю дверь.

— Я не приглашала тебя.

— Мне не нужно приглашение.

Он произнес заклинание.

Дверь содрогнулась.

Руна рода Морт вспыхнула, защищая хозяйку, но Маркус направил в нее силу, накопленную за годы. Черные линии поползли по гербу, стирая одну печать за другой.

Из комнат донесся звон разбитого стекла.

Мира, должно быть, отступала к окну.

Маркус представил ее в свете свечей — красивую, испуганную и гордую.

Совсем скоро она станет пленницей.

Он заранее знал, что будет сопротивление.

Знал, что ему придется связать ей руки, отнять оружие, погрузить в сон. Все это было частью плана.

Но почему-то мысль о том, что Мира посмотрит на него с ненавистью, показалась ему неприятной.

Это было нелепо.

Ненависть ему была знакома.

Он жил в ней.

Дверь распахнулась.

Глава 3. Похищение

Мира была в своих покоях, когда дверь распахнулась.

Она как раз стояла у окна и держала в руках черную розу,

найденную на подоконнике. Иней на лепестках уже растаял, но цветок не потерял своей странной свежести. На темной ткани, привязанной к его стеблю, серебрились два слова:

Ты заплатишь.

За дверью не было слышно ни шагов, ни голоса. Только тишина — слишком плотная для замка, в котором несколько минут назад гремел тревожный колокол.

Мира медленно положила розу на стол.

Пальцы сами скользнули к кинжалу, спрятанному под подушкой кресла. Оружие ей подарила мать, когда Мире исполнилось шестнадцать. Небольшой клинок с изогнутым лезвием и рукоятью из черного дерева казался скорее украшением, чем настоящим оружием.

Но мать тогда сказала:

— Красота редко спасает жизнь. А хороший клинок — иногда.

Мира вытащила кинжал из ножен и развернулась.

Черная тень скользнула по дверному проему.

Затем в комнату вошел мужчина.

Он был высок, мрачен и опасно красив. Его лицо казалось высеченным из холодного камня, а темные волосы падали на плечи, спутанные ветром. Плащ за его спиной шевельнулся, хотя в комнате не было сквозняка.

Глаза незнакомца сияли темным серебром.

Мира узнала его.

Того самого человека, которого видела в зале.

Того, кто стоял в лесу.

Того, кто оставил ей черную розу.

Вокруг его пальцев клубилась тьма.

Не обычная тень от свечей, а живая субстанция, похожая на дым и жидкий бархат одновременно. Она обвивала его руки, стекала к полу и собиралась у сапог.

Мира отступила на шаг.

— Ты.

— Я.

Голос мужчины был низким и спокойным.

Слишком спокойным для человека, который только что ворвался в покои наследницы одного из сильнейших родов королевства.

— Как ты проник в замок?

— Дверь была открыта.

— Она была заперта.

— Доя меня - нет.

Мира быстро взглянула на коридор за его спиной. Пусто. Ни стражи, ни слуг, ни встревоженных голосов. Вдалеке все еще слышался гул тревоги, но он доносился словно из другого мира.

— Ты убил всю охрану?

— Они живы.

— Пока, верно?

— Если бы я хотел их убить, ты бы не услышала ни звука, а они бы были мертвы.

Мира крепче сжала кинжал.

— Что тебе нужно?

Мужчина сделал шаг вперед.

Тени у его ног поползли по полу.

— Раз ты дочь Эдриана Морта, тогда ты заплатишь за его преступление.

Слова прозвучали просто, почти буднично.

Мира ощутила, как внутри поднимается холодная ярость.

— Если у тебя есть дело к моему отцу, отправляйся к нему, повторяю это вновь.

— Я уже отправлялся.

— Кто ты?

— Меня зовут Маркус.

Имя показалось ей знакомым.

Мира слышала его раньше. В старых донесениях, среди отчетов от королевских магов, в разговорах отца, которые он обычно прекращал, заметив ее присутствие.

Маркус Мортимер.

Последний ученик запрещенной школы теневых магов.

Предатель короны.

Беглец.

Человек, которого разыскивали в трех провинциях.

Или, возможно, это был другой Маркус.

Но серебряные глаза и черная магия совпадали слишком хорошо.

— Маркус Мортимер, — произнесла она.

Его взгляд изменился.

— Значит, Эдриан рассказывал обо мне.

— Не мне.

— Но рассказывал.

— Я сказала лишь, что слышала твое имя.

— И что тебе известно обо мне?

— Что тебя считают преступником.

Тени вокруг Маркуса дрогнули.

— Конечно. Так проще.

— Для кого?

— Для тех, кто хочет сохранить чистой свою корону.

Мира не опустила оружие.

— Ты проник в мой дом, напал на стражников и угрожаешь мне. Очень трудно считать тебя невиновным.

— Я не прошу считать меня невиновным.

Маркус продолжал приближаться.

— Я хочу, чтобы ты поняла, что происходит.

— Тогда начни с того, почему я должна платить за поступки отца.

— Потому что ты носишь его имя.

— Я не выбирала этого имени.

— Но выбрала остаться рядом с ним.

— Мне было восемнадцать лет, когда умерла моя мать.

После этого я не могла просто взять и исчезнуть.

— Ты могла искать правду.

Мира усмехнулась.

— Правда в этом доме всегда принадлежала моему отцу.
Она сама не понимала, зачем сказала это.

Возможно, потому что перед ней стоял человек, который впервые за много лет говорил о лорде Эдриане не с почтением и не со страхом. Он говорил с ненавистью. Яростной, глубокой, почти личной.

Маркус остановился в нескольких шагах.

— Ты не любишь его.

Это не было вопросом.

Мира почувствовала, как кинжал стал тяжелее в руке.

— Он мой отец.

— Это не ответ.

— А ты задаешь слишком много вопросов для человека, который ворвался сюда не ради разговора.

— Я хотел поговорить.

— С цепями?

— Цепи появились потому, что ты держишь оружие.

Мира резко взглянула вниз.

Черные линии уже скользили по полу, окружая ее ноги.

Она метнулась к двери.

Тени взметнулись прежде, чем она успела сделать второй шаг.

Черные цепи вырвались из воздуха и сомкнулись на ее запястьях.

Мира вскрикнула от боли.

Холод проник сквозь кожу, будто металл был сделан из

зимнего льда. Цепи дернулись, срывая ее с места, и притянули к стене.

Кинжал выпал из пальцев.

— Отпусти! — потребовала Мира.

Маркус даже не пошевелился.

— Не сопротивляйся.

— Ты пришел в мой дом и приказываешь мне не сопротивляться?

— Я пришел за тобой.

— Тогда тебе придется постараться.

Мира рванула руками, вложив в движение всю силу. Цепи зазвенели, и на запястьях выступили тонкие красные полосы.

Маркус нахмурился.

— Перестань.

— Боюсь, я не привыкла повиноваться незнакомцам.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Напомни мне, как правильно вести себя, когда тебя похищают?

Тьма вокруг его пальцев сгустилась.

Мира заметила это движение и сразу поняла: он собирается применить магию.

Она больше не стала ждать.

Наклонившись, Мира подхватила кинжал с пола и резким движением перерезала одну из цепей. Лезвие вспыхнуло серебряным светом. Черная магия зашипела и рассыпалась ис-

крами.

Маркус едва заметно удивился.

Мира освободила правую руку.

Серебро на клинке было зачаровано против теней. Она вспомнила, как мать объясняла это свойство, когда впервые показывала оружие.

— Любая магия имеет слабость, — сказала тогда она. — Даже самая темная.

Мира бросилась вперед.

Ей удалось сделать лишь два шага.

Маркус оказался рядом быстрее, чем она ожидала. Его пальцы сомкнулись на ее руке, сжав запястье. Кинжал остановился у его горла.

Мира чувствовала тепло его тела сквозь ткань одежды. От него пахло холодным воздухом, дымом и чем-то горьким — словно сгоревшими травами.

— Отпусти меня, — прошипела она.

— Ты не оставляешь мне иного выбора.

— У тебя всегда есть выбор.

— Это говорила мне и она.

В его голосе что-то изменилось.

Боль.

Всего на мгновение, но Мира ее услышала.

Маркус перехватил ее руку и вырвал кинжал. Другой ладонью он коснулся ее лба.

Кожа под его пальцами была холодной.

Мира замерла.

— Не смей.

— Засыпай.

Она попыталась ударить его коленом, но тело внезапно стало непослушным. Темный свет вспыхнул между ними, заполняя комнату.

Последнее, что Мира увидела перед тем, как мир исчез, — серебряные глаза Маркуса.

И странное выражение на его лице.

Не торжество.

Не жестокость.

Сожаление.

Сознание возвращалось медленно.

Сначала Мира слышала стук копыт.

Затем почувствовала холодный ветер на лице и твердую руку, удерживающую ее за талию.

Она попыталась пошевелиться.

— Не двигайся, — раздался знакомый голос.

Мира распахнула глаза.

Перед ней расстился ночной лес. Темные деревья проносились по обе стороны дороги, ветви цеплялись за плащ, а между стволами стелился плотный туман.

Она сидела верхом на лошади.

Позади нее был Маркус.

Его рука лежала у нее на талии, удерживая от падения. Вторая сжимала поводья.

Несколько мгновений Мира не могла понять, где находится.

Потом память вернулась.

Комната.

Цепи.

Кинжал.

Заклинание.

Она резко дернулась.

Лошадь испуганно всхрапнула, сбившись с шага.

— Я сказал, не двигайся.

— Убери от меня руки!

Мира попыталась оттолкнуть его ладонь, но Маркус перехватил ее запястье. На этот раз без цепей, однако сила его пальцев не оставляла сомнений: если понадобится, он удержит ее одной рукой.

— Мы едем слишком быстро, — сказал он. — Если упадешь, сломаешь шею.

— Лучше сломать шею, чем остаться с тобой.

— Не драматизируй.

— Ты похитил меня!

— Я в курсе.

— Мой отец тебя убьет.

— Он уже пытался.

— Тогда король...

— Король ничего не сделает, пока не разберется, почему я забрал тебя.

— Он отправит за мной весь гарнизон.

— Пусть отправляет.

Мира стиснула зубы.

Лошадь неслась по узкой лесной дороге. Впереди не было ни огней, ни следов человеческого жилья. Только тьма и туман.

Она оглянулась.

Замок Морт исчез за деревьями.

Сердце болезненно сжалось.

Отец наверняка уже знал о похищении. Он соберет магов, поднимет охрану, перекроет дороги. Каэль тоже будет искать ее.

Каэль.

Мира представила его лицо, когда он узнает, что она исчезла прямо из родового замка.

Возможно, он действительно встревожится.

Возможно, отправится за ней сам.

Эта мысль принесла неожиданное облегчение, но почти сразу сменилась раздражением.

Почему она должна надеяться на спасение от человека, который всего несколько часов назад уверял ее, что ее счастье — вопрос времени?

— Куда ты меня везешь? — спросила Мира.

— В безопасное место.

— Для кого? Для меня или для тебя?

— Пока не решил.

— Похоже, ты не продумал похищение до конца.

— Я продумал его достаточно хорошо.

— Ты ворвался в мои покои через главный коридор, позволил мне напасть на тебя и унес меня через лес. Если это твой лучший план, неудивительно, что королевские маги до сих пор не нашли тебя.

Маркус посмотрел на нее сверху вниз.

— Тебе становится лучше, как я погляжу.

— Мне и не было плохо.

— Ты провела в беспмятстве чуть меньше часа.

— Значит, твое заклинание слабое.

— Я не хотел причинять тебе вред.

— Как благородно. Ты похитил меня с осторожностью.

Маркус промолчал.

Мира снова попыталась вырваться.

На этот раз он обхватил ее крепче, прижав к себе. Она почувствовала, как его дыхание коснулось ее волос.

— Успокойся.

— Не приказывай мне.

— Тогда прошу тебя об этом.

— Еще хуже.

— Ты всегда такая?

— Только рядом с похитителями.

Его губы едва заметно дрогнули.

Мира заметила это и раздраженно отвернулась.

— Ты смеешься?

— Нет.

— Ты улыбнулся.

— Тебе показалось.

— Я видела.

— Значит, у тебя хорошее зрение.

Этот короткий обмен словами был настолько нелепым, что Мира на мгновение забыла о страхе.

Затем взгляд упал на ее запястья.

На коже темнели следы от черных цепей.

Маркус тоже их заметил.

Его лицо снова стало непроницаемым.

— Цепи не должны были так сильно сжать тебя.

— Но сжали.

— Я не рассчитал силу.

— Маг, который не умеет рассчитывать собственные заклинания. Впечатляет.

Маркус направил лошадь между деревьями.

— В следующий раз буду осторожнее.

— Не будет следующего раза.

— Будет.

— Ты так уверен?

— Да.

Мира посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что ты нужна мне.

— Для мести?

— Для справедливости.

Эти слова прозвучали иначе.

Мира отвернулась к лесу.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой отец связан с ритуалом, который забрал жизнь моей невесты.

— Ты уже говорил это.

— Ты должна знать больше.

— Я ничего не знаю.

— Поэтому ты поедешь со мной.

— Я могла бы узнать правду и без похищения.

— Не могла.

Лошадь продолжала двигаться по лесной дороге, поднимая копытами мокрые листья. Вскоре деревья стали гуще, а воздух — холоднее.

Мира заметила, что вокруг Маркуса тьма постоянно двигалась. Она не исчезала даже при свете звезд. Черные клубы обвивали его запястья, а иногда вытягивались в сторону леса, словно ощупывали пространство.

— Ты всегда носишь магию с собой? — спросила она.

— Магия не одежда. Ее нельзя снять.

— Удобно.

— Не всегда.

— В замке ты сказал, что твоя невеста погибла из-за моего отца. Кто она?

Маркус не ответил.

Мира почувствовала, как напряглась его рука.

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— Ты похитил меня. Теперь я имею право хотя бы понимать, почему.

— Ее звали Лира.

Имя повисло между ними.

В голосе Маркуса оно звучало так, словно было священным.

— Что с ней сделал мой отец?

— Провел ритуал.

— Какой?

— Запретный.

— Для чего?

— Она знала то, чего не должна была знать.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Ты был там?

Маркус остановил лошадь.

Движение оказалось таким резким, что Мира едва не ударилась о его грудь.

Несколько секунд слышалось только тяжелое дыхание животного.

— Да, — сказал он.

— Ты видел ее смерть?

— Да.

— И считаешь, что отец виноват?

— Я знаю это.

— Тогда почему ты не убил его?

Маркус посмотрел вперед, туда, где между деревьями пробивался тусклый свет луны.

— Потому что смерть для него была бы слишком простым наказанием.

— А что ты приготовил мне?

Он повернулся к ней.

Серебряный блеск его глаз стал ярче.

— Пока не знаю.

— Это честный ответ.

— Я не собираюсь лгать тебе.

— Но собираешься держать меня в плену.

— Да.

— И причинить боль, если я не стану сотрудничать?

— Не хотелось бы, это не мои методы.

— Но можешь.

— Могу.

Мира почувствовала, как страх снова сжимает грудь.

Маркус не говорил пустых угроз. Он не пытался казаться мягче, чем был. В этом была его главная опасность.

Он не притворялся.

Именно поэтому ему нельзя было верить.

Лошадь снова двинулась вперед.

Через некоторое время они подъехали к каменной арке, почти скрытой зарослями плюща. По обеим сторонам от нее

стояли древние столбы, испещренные рунами.

Маркус поднял руку.

Тени стекли с его пальцев и коснулись камня.

Руны вспыхнули черным огнем.

Перед аркой возникла полупрозрачная завеса, похожая на поверхность темной воды.

— Что это? — спросила Мира.

— Граница.

— Между чем и чем?

— Между безопасным местом и остальным миром.

— Ты живешь в лесу?

— Иногда.

— В пещере?

— Разочарована?

— Скорее удивлена, что у тебя вообще есть жилье.

Маркус провел лошадь сквозь завесу.

На мгновение Миру окутала холодная тьма. В ушах зашумело, перед глазами вспыхнули незнакомые образы: заснеженная равнина, горящий храм, женская рука, протянутая к ней из огня.

Затем все исчезло.

Они оказались на другой стороне.

Перед ними стоял замок.

Он был меньше поместья Морт, но выглядел не менее мрачно. Каменные стены оплетали черные лозы, в узких окнах горел тусклый свет. Башни поднимались среди скал, а

вокруг не было ни одного дерева — только голые камни и глубокие расщелины.

Мира замерла.

— Где мы?

— В моем доме.

— Это не похоже на место, где живут нормальные люди.

— Я не говорил, что живу как нормальные люди.

Мира усмехнулась. Она уже хотела было прыгнуть с лошади, как ее реальность вновь провалилась в беспросветную тягучую и обволакивающую тьму.

Глава 4. Замок в бездне

Мира пришла в себя от холода.

Он пробирался под кожу, сковывал пальцы и заставлял тело дрожать. Несколько мгновений она лежала неподвижно, не понимая, где находится. Над головой темнел высокий потолок, украшенный выцветшими фресками. На них были изображены крылатые существа, склонившиеся над черной короной. Краска потрескалась, а лица фигур стерлись временем.

Мира резко села.

Голова закружилась. Перед глазами поплыли темные пятна, и она схватилась за край кровати, чтобы не упасть.

Воспоминания возвращались обрывками.

Ее покои.

Маркус.

Черные цепи на запястьях.

Вспышка темного света.

Дорога через лес.

Замок.

Она медленно огляделась.

Комната была просторной и богато обставленной, но в ее роскоши чувствовалось что-то мертвое. У стен стояли шкафы из темного дерева, украшенные серебряными узорами. Возле камина возвышалось кресло с высокой спинкой, обитое синим бархатом. На полу лежал толстый ковер, изображавший ночное небо, — черные звезды на темно-синем фоне.

На столе горели три свечи. Их пламя было голубым и почти не давало тепла.

Мира встала.

Ноги дрожали, но она заставила себя сделать несколько шагов. На ней по-прежнему было платье, в котором она была в замке Морт. Ткань помялась, волосы растрепались, а на запястьях темнели следы от цепей.

Она подошла к окну.

За стеклом расстился туман.

Он окружал замок со всех сторон и лежал в глубокой долине между скалами. Мира не видела земли — только белесую бездну, над которой нависали острые каменные уступы. Высоко в небе медленно вращались темные облака. Ни дороги, ни деревьев, ни огня поблизости не было.

На окне стояла железная решетка.

Мира коснулась ее.

Металл оказался теплым.

По прутьям пробежали тонкие серебряные руны. Они вспыхнули и тут же погасли.

Мира отдернула руку.

— Разумно, — сказал кто-то за ее спиной.

Она резко обернулась.

Маркус стоял у двери.

Он вошел так тихо, что Мира не услышала ни единого шага. Его темные волосы были собраны на затылке, лицо казалось холодным и непроницаемым. На нем был черный плащ, застегнутый у горла серебряной застежкой в форме ворона.

В руках он держал поднос.

Мира отступила от окна.

— Где конкретно я нахожусь?

— Там, где тебя никто не найдет.

Он поставил поднос на стол. На нем стояли кувшин с водой, чашка горячего настоя и тарелка с хлебом, сыром и фруктами.

Мира даже не взглянула на еду.

— Мой отец уничтожит тебя.

Маркус поднял глаза.

— Он уже однажды уничтожил то, что было мне дорого.

В его голосе не было ни гнева, ни жалобы. Только усталость, от которой сказанные слова прозвучали тяжелее любой угрозы.

— Если ты надеешься настроить меня против него, то зря стараешься.

— Я ни на что не надеюсь.

— Ты похитил меня из собственного дома.

— Да.

— Напал на охрану.

— Они живы.

— Запер меня здесь.

Мира бросила взгляд на дверь.

Маркус не ответил.

Она шагнула к нему.

— Отпусти меня.

— Не могу.

— Или не хочешь?

— Это почти одно и то же.

— Нет. Когда речь идет о пленнице — нет.

Маркус невесело усмехнулся.

— Пленников держат в подземельях.

— А ты держишь меня в роскошной комнате?

— Именно.

— Тогда ты очень учтивый похититель.

Маркус посмотрел на нее спокойно.

— Я не требую благодарности.

— Ты ее и не дождешься.

Мира снова взглянула на запястье.

Только теперь она заметила браслет.

Он был тонким, почти невесомым, сделанным из черного металла. На поверхности переплетались серебряные нити, образуя незнакомые символы. В центре мерцал маленький темный камень, внутри которого пульсировал багровый свет.

Мира схватила за него и попыталась растянуть.

Браслет не поддался.

Она потянула сильнее.

Камень вспыхнул.

Боль ударила от запястья до самого плеча. Мира вскрикнула и отшатнулась.

Маркус оказался рядом мгновенно.

— Не трогай его.

— Сними!

— Я не могу.

— Ты его надел.

— Я не надевал этот браслет, если говорить в магическом смысле.

— Тогда кто?

Маркус перевел взгляд на стены.

— Замок сам это сделал.

Мира уставилась на него.

— Ты хочешь сказать, что замок надел на меня браслет?

— Замок Вальдерн не просто камень и стены.

— Что это значит?

— Он охраняет себя.

— От меня?

— От всех, кто может представлять опасность.

— Я не представляю опасности.

— Ты дочь Эдриана Морта.

— Это не преступление.

— Это само по себе представляет опасность.

Мира стиснула зубы.

— Где я, повтори-ка еще разок.

— В Вальдерне.

Она нахмурилась.

Название было ей знакомо. В старых книгах этот замок упоминался как крепость, построенная на краю северной бездны. Когда-то здесь жили чародеи, служившие первым королям. Потом все они исчезли, а сам замок объявили проклятым и заброшенным.

— Вальдерн разрушен, — сказала Мира.

— Большая его часть.

— Он стоит на краю Безымянной пропасти.

— Верно.

— Сюда невозможно добраться.

— Как видишь, возможно.

— А выбраться?

Маркус ничего не сказал.

Мира почувствовала, как внутри поднимается страх.

Она подошла к двери и дернула за ручку. Дверь не сдвинулась.

— Открой.

— Мира...

— Открой дверь!

Маркус даже не пошевелился.

Мира оглянулась и увидела, что на его лице не осталось ни тени прежней мягкости. Он снова стал тем опасным человеком, который вошел в ее спальню, окруженный живыми тенями.

— Я сказала: открой дверь.

Маркус повернул голову к коридору.

— Запереть.

В дверном проеме появились двое слуг. Старик в сером кафтане и молодая женщина с бледным лицом. Они остановились, не поднимая на Миру глаз.

— Маркус, — медленно произнесла она, — ты не посмеешь.

— Запереть дверь, — повторил он.

— Отпусти меня немедленно!

— Не сейчас.

— А когда? Когда решишь, что достаточно отомстил моему отцу?

— Это не месть.

— Тогда что?

Маркус на мгновение задержал на ней взгляд.

— Необходимость.

— Для кого?

Он не ответил.

Слуги подошли к двери. Старик провел ладонью по замку, и на металле вспыхнули черные руны.

Мира бросилась вперед, но браслет на запястье мгновенно ожил.

Боль пронзила руку. Она пошатнулась и упала на колени.

— Мира!

Маркус успел подхватить ее за локоть.

Она резко оттолкнула его.

— Не прикасайся ко мне!

— Тогда не пытайся выйти.

— Ты запер меня здесь!

— Потому что за стенами опасно.

— Опаснее, чем рядом с тобой?

— Да.

— Я тебе не верю.

— Это твое право.

— У меня больше ничего не осталось.

Слова вырвались прежде, чем она успела их остановить.

Слуги замерли у двери. Маркус тоже не двигался.

Мира поднялась, прижимая руку к груди. Боль постепенно отступала, но пальцы все еще дрожали.

Впервые в жизни она почувствовала себя полностью беспомощной.

Дома у нее были охрана, слуги, отец, имя рода. Даже если она не могла справиться с противником сама, всегда существовал кто-то, кто вмешается. Кто-то, кто откроет дверь,

вызовет лекаря, поднимет тревогу.

Здесь не было никого.

Только Маркус.

И люди, которые боялись даже посмотреть на нее.

Дверь закрылась.

На ней вспыхнула печать, и шаги слуг стали удаляться по коридору.

Мира стояла посреди комнаты, сжимая кулаки.

— Ты добился своего, — сказала она.

Маркус не ответил.

— Я заперта. Доволен?

— Нет.

— Тогда чего ты ждешь?

— Пока ты успокоишься.

— Я не успокоюсь.

— Знаю.

— Я буду кричать.

— Здесь тебя никто не услышит.

— Буду звать на помощь.

— Помощь не придет.

— Буду пытаться сбежать.

— Не получится.

— Буду искать способ убить тебя.

— Это у тебя может получиться гораздо лучше всего остального.

На губах Маркуса появилась едва заметная усмешка, но

тут же исчезла.

Мира с ненавистью посмотрела на него.

— Не шути со мной.

— Я не шучу.

— Ты похитил меня, держишь в плену и говоришь так, будто это обычный разговор.

— Я пытаюсь не сделать ситуацию хуже.

— Хуже уже некуда.

— Ошибаешься.

Эти слова заставили ее замолчать.

Маркус подошел к столу и взял чашку.

— Выпей.

— Нет.

— Ты должна восстановить силы.

— Я ничего не буду брать из твоих рук.

— Это настой из горных трав. Он снимет последствия заклипания.

— Я прекрасно обойдусь и без него.

— Ты едва стоишь.

— Но стою же.

— Пока.

Он поставил чашку на край стола.

— Я не собираюсь заставлять тебя.

— Как благородно.

— Не пытайся найти во мне благородство.

— Поверь, я не пытаюсь.

Мира отступила к окну.

— Сколько людей ты держал здесь?

— Ни одного.

— Тогда я первая?

— Первая, кого я привез сюда против воли.

— Какая честь.

— Не воспринимай это как честь.

— Я и не воспринимаю. Это был сарказм.

Маркус снова направился к двери.

— Подожди.

Он остановился.

Мира сама удивилась, что окликнула его.

— Если мой отец действительно совершил преступление, почему ты не разоблачишь его перед королем?

— Потому что король знает.

— Знает и молчит?

— Он не знает всей правды.

— Но ты можешь рассказать.

— Не поверит.

— Почему?

— Потому что Эдриан Морт спас ему жизнь.

— Значит, ты решил похитить его дочь?

— Я решил получить доступ к тому, что ему дороже всего.

Прямота Маркуса злила сильнее, чем ложь.

— Ты даже не пытаешься оправдаться.

— Мне незачем оправдываться.

— Тогда ты признаешь, что используешь меня.

— Признаю.

— И тебе это безразлично?

— Нет.

Маркус посмотрел на нее.

В его глазах на миг мелькнуло что-то похожее на боль, но он тут же спрятал это выражение.

— Безразличие было бы проще.

И он вышел, оставив ее наедине с собственными мыслями.

Глава 5. Первое столкновение

— Ты не имеешь права судить меня за преступления отца,

— сказала Мира.

Маркус стоял у камина, скрестив руки на груди. Пламя отбрасывало на его лицо резкие тени, делая его еще более непроницаемым.

— Ты носишь его имя.

— А ты носишь свою боль, словно корону.

Эти слова задели его сильнее, чем она ожидала.

Маркус оказался рядом в один миг. Его пальцы сомкнулись на ее подбородке, заставляя поднять взгляд.

— Не говори о том, чего не понимаешь.

Хватка была болезненной, но Мира не отвела глаз.

— Тогда расскажи мне.

Он отпустил ее так резко, будто обжегся.

Мира отступила на шаг и прикоснулась к подбородку. На

коже уже проступал красный след.

Маркус заметил его.

На мгновение в его лице мелькнуло что-то похожее на сожаление, но оно исчезло прежде, чем Мира успела в нем убедиться.

— Ты слишком много себе позволяешь.

— А ты слишком многое себе позволяешь, решая за меня.

— Я могу позволить себе гораздо больше.

— Разумеется. Здесь ты хозяин. Двери запираются по твоему приказу, слуги склоняют головы, а пленница должна благодарить тебя за то, что ты не заковываешь ее в цепи.

— Я не требую благодарности.

— Нет. Ты требуешь покорности.

— Я требую, чтобы ты перестала вести себя как безумная.

Мира усмехнулась.

— Ты похитил меня, лишил свободы, забрал оружие и держишь под замком. После этого называешь безумной меня?

— Я называю безумным твое поведение.

— Ты не имеешь права давать мне оценки.

— А ты не имеешь права ставить на равных меня и себя.

— Я не просила всего этого.

— Это не меняет дела.

— Конечно. Здесь вообще ничего не зависит от моих желаний.

Маркус отвернулся.

Его спокойствие раздражало Миру сильнее открытой жестокости. Он говорил с ней так, будто обсуждал не живого человека, а трудную задачу, которую нужно решить. Даже когда причинял боль, его лицо оставалось холодным.

Мира подошла к столу и схватила стоявшую на нем чашу.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Проверяю, есть ли у меня право хотя бы что-нибудь разбить.

Она швырнула чашу в стену.

Фарфор разлетелся по камням.

Маркус даже не вздрогнул.

— Закончи.

— Я только начала.

Мира схватила со стола подсвечник и бросила его следом. Серебро ударилось о стену, оставив глубокую вмятину.

— Довольно.

— Нет.

Она потянулась к следующему предмету.

Маркус перехватил ее за запястье.

Браслет вспыхнул, отзываясь на резкое движение. Боль прошла по руке до плеча.

— Отпусти.

— Перестань.

— Отпусти меня!

— Ты сама не понимаешь, чего добиваешься.

— Я добиваюсь того, чтобы ты хоть раз перестал разгова-

ривать со мной как с вещью!

Он сжал пальцы сильнее.

Мира резко ударила его коленом. Маркус отступил, но не выпустил ее руку. В его глазах вспыхнул гнев.

— Не испытывай мое терпение.

— У тебя его нет.

— У меня его больше, чем ты заслуживаешь.

Он развернул ее и прижал спиной к столу. Не настолько сильно, чтобы причинить серьезную травму, но достаточно, чтобы лишить возможности вырваться.

Мира почувствовала его дыхание у виска.

— Ты думаешь, что можешь бросаться на меня каждый раз, когда тебе не нравится ответ?

— Я думаю, что могу защищаться.

— Это не защита. Это истерика.

— А ты кто? Тюремщик?

— Если понадобится.

— Тебе нравится эта роль?

Маркус приблизился еще на шаг.

— Тебе лучше не задавать вопросы, ответов на которые ты не хочешь слышать.

— Ты боишься, что я услышу правду?

— Я боюсь, что ты не переживешь ее.

— Не решай за меня.

— Кто-то же должен.

— Только не ты.

Мира резко дернула рукой. Маркус не ожидал движения и на мгновение ослабил хватку. Она высвободилась и оттолкнула его.

Он отступил на полшага.

Тишина, наступившая после этого, была тяжелее крика.

Мира тяжело дышала. Сердце билось быстро, пальцы дрожали от боли и ярости.

Маркус смотрел на нее.

— Ты довольна?

— Нет.

— Чего же ты хочешь?

— Чтобы ты почувствовал хотя бы часть того, что чувствую я.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Ты сам не позволяешь узнать.

— И не позволю.

— Потому что за твоей жестокостью больше ничего нет?

Его взгляд стал темным.

— Осторожнее.

— Почему? Боишься, что я попаду в цель?

— Ты не понимаешь, с кем говоришь.

— Я прекрасно понимаю. С человеком, который похитил меня, потому что не способен добраться до моего отца.

Маркус схватил ее за плечи.

— Не смей.

— Почему? Ты ведь сам это признал. Тебе нужна не я.

Тебе нужно добраться до него через меня.

— Замолчи.

— Ты хочешь наказать его, но не можешь. Поэтому запер его дочь и называешь это необходимостью.

— Замолчи!

На этот раз он повысил голос.

Мира замолчала не из страха — от неожиданности.

Маркус почти никогда не терял контроль. Его холодность казалась выстроенной из камня, и теперь в этой стене появилась трещина.

Он отпустил ее плечи.

Мира осталась стоять напротив, не опуская взгляда.

— Ты не имеешь права судить меня за преступления отца,
— повторила она тише.

— Ты носишь его имя, — ответил Маркус.

— А ты носишь свою боль, словно корону.

Он снова посмотрел на нее так, будто она ударила его.

Но теперь Мира увидела: боль действительно была там. Глубоко, за раздражением, за презрением, за тщательно выстроенной жестокостью.

Она не смягчилась.

— Расскажи мне, — сказала Мира. — Или перестань использовать прошлое как оружие.

— Ты требуешь правды, но не понимаешь ее цены.

— Я уже заплатила достаточно.

— Ты не знаешь, что такое цена.

— Тогда объясни.

Маркус отвернулся и отошел к окну.

За решетками клубился туман. Мира не смотрела туда. Она следила только за ним.

Он долго молчал.

— Твой отец не просто сделал мне больно, — сказал Маркус наконец. — Он уничтожил мою семью.

— Это ты уже говорил.

— Нет. Я говорил, что он уничтожил то, что было мне дорого.

— Что именно?

— Все.

Он произнес это спокойно, но пальцы его сжались в кулаки.

— Он пришел к нам ночью. Со своими людьми. С королевской печатью и приказом, который никто не осмелился проверить. Он объявил нас предателями.

— Почему?

— Потому что ему нужно было скрыть собственное преступление.

— Какое?

— Мы нашли доказательства того, что он торговал запрещенной магией.

Мира нахмурилась.

— Мой отец никогда...

— Ты опять защищаешь его.

— Потому что он мой отец.

— Именно. Ты слышишь только то, что хочешь слышать.

— А ты говоришь только то, что выгодно тебе.

— Возможно.

— Значит, ты не ждешь, что я поверю.

— Нет.

— Тогда зачем рассказываешь?

Маркус посмотрел ей прямо в глаза.

— Чтобы ты поняла: твоя фамилия не делает тебя невиновной.

— А твоя боль не делает тебя правым.

Он медленно кивнул.

— Вот теперь мы говорим честно.

Мира заметила, что на его костяшках выступили белые пятна от напряжения.

— Что случилось с твоей семьей?

— Мой отец погиб первым.

— А мать?

Маркус отвел взгляд.

— Тоже.

— А Лира?

Он замер.

Мира поняла, что впервые назвала ее имя.

— Откуда ты...

— Ты сам упоминал. Не много, но достаточно.

— Не произноси ее имя.

— Почему? Оно причиняет тебе боль?

— Я сказал, не произноси.

— Ты запрещаешь мне говорить о женщине, которую любил, но требуешь, чтобы я слушала обвинения против моего отца?

— Не сравнивай их.

— Почему? Потому что она была тебе дорога, а мой отец тебе враг?

— Потому что ты ничего не знаешь о ней.

— А ты ничего не знаешь обо мне.

— Я знаю достаточно.

— Нет. Ты знаешь мою фамилию и решил, что этого хватит.

Маркус подошел ближе.

— Мне достаточно знать, чья кровь течет в твоих жилах.

— Кровь не делает человека преступником.

— Иногда делает.

— Это удобная ложь. Так тебе не приходится видеть во мне человека.

Его лицо стало жестким.

— Ты не человек для меня.

Слова повисли между ними.

Мира почувствовала, как внутри все холодеет.

Маркус, кажется, сам понял, что перешел черту. Его взгляд на мгновение изменился, но он не отступил.

— Кто же я тогда? — спросила она.

— Рычаг.

— Вот как.

— Средство добраться до твоего отца.

— Вещь, которую можно использовать.

— Я не говорил этого.

— Ты только что сказал это, но другими словами.

— Я сказал, что ты для меня не человек.

— Нет. Ты сказал правду.

Мира подняла руку и ударила его по лицу.

Звук пощечины оказался неожиданно громким.

Маркус замер.

Мира тоже.

Его голова была чуть повернута в сторону. На щеке медленно проступал красный след.

Несколько секунд никто не двигался.

Затем Маркус повернулся к ней.

Он не ударил ее в ответ.

Но его взгляд стал настолько холодным, что Мира почувствовала опасность раньше, чем он сделал шаг.

— Никогда больше, — произнес он.

— Или что?

— Не провоцируй меня.

— Или что ты сделаешь? Запрешь меня еще глубже?

— Я могу сделать так, что ты больше не выйдешь из этой комнаты.

— Ты уже это сделал.

— Я могу забрать у тебя книги.

Мира побледнела.

— Не посмеешь.

— Могу отдать приказ, чтобы тебе не приносили еду.

— Это уже не власть. Это трусость.

— Могу приказать слугам не отвечать тебе.

— Они и так молчат.

— Могу забрать кинжал.

Мира инстинктивно коснулась спрятанного под поясом оружия.

Маркус заметил движение.

— Попробуй.

— Ты думаешь, что оружие делает тебя свободной?

— Нет. Но оно напоминает мне, что я все еще могу выбирать.

— Ты выбираешь сопротивление, даже когда оно бессмысленно.

— Потому что покорность имеет смысл только для таких, как ты.

Маркус протянул руку.

— Кинжал.

— Нет.

— Отдай.

— Нет.

Он сделал шаг.

Мира выхватила кинжал и приставила лезвие к собствен-

ной ладони.

Маркус остановился.

— Не будь душой.

— Еще одно движение — и я порежусь.

— Это причинит вред только тебе.

— Как и все остальное, что здесь происходит.

— Опустит оружие.

— Отойди.

— Мира.

— Отойди!

Браслет на ее запястье вспыхнул. Мира вскрикнула, и пальцы непроизвольно дрогнули. Лезвие скользнуло по коже, оставив тонкую кровавую линию.

Маркус оказался рядом мгновенно.

Он выбил кинжал из ее руки, схватил за запястье и сжал его так сильно, что Мира снова вскрикнула.

— Ты совсем потеряла разум?

— Отпусти!

— Ты собиралась порезать себя.

— Я собиралась остановить тебя.

— Таким образом?

— Ты все же остановился.

— Потому что ты угрожала себе.

— Значит, сработало.

— Тебе нравится проверять, насколько далеко я могу зайти?

— Мне нравится видеть, что ты не всесилен.

Маркус резко притянул ее к себе.

— Я могу сломать тебе руку.

— Но не сломаешь.

— Не испытывай меня.

— Почему? Боишься, что я пойму: за всеми твоими угрозами нет ничего, кроме страха?

Его пальцы сжались сильнее.

Мира почувствовала боль, но не отвела взгляда.

— Тебе нужно научиться бояться, — сказал Маркус.

— А тебе — научиться останавливаться.

— Я останавливаюсь каждый день.

— Нет. Ты просто выбираешь, какую жестокость применить.

Он отпустил ее.

Мира пошатнулась, прижимая руку к груди.

На ее коже остались следы его пальцев.

Маркус посмотрел на них.

На этот раз он не смог скрыть раздражение — не на Миру, а на самого себя.

— Ты сам хотел сломить мою гордость, — сказала она. — Разве нет?

Он молчал.

— Ты не бил меня, потому что хочешь считать себя лучше остальных. Но ты отнимаешь у меня все остальное: свободу, время, право говорить, право решать. Ты заставляешь

меня ждать, пока тебе не надоест мое существование. Ты намеренно доводишь меня до отчаяния.

— Я не обязан быть с тобой мягким.

— Я не прошу мягкости.

— Тогда чего ты хочешь?

— Уважения.

Маркус горько усмехнулся.

— Ты в плену.

— Именно поэтому оно особенно важно.

— Ты не в том положении, чтобы требовать.

— А ты не в том положении, чтобы его давать. Но все равно требуешь от меня подчинения.

Маркус обошел ее и остановился у двери.

— С этого дня дверь будет заперта на две печати.

Мира резко повернулась.

— Что?

— Ты больше не выйдешь в коридор без сопровождения.

— Ты не можешь.

— Могу.

— Я буду ломать печати.

— Слуги будут заходить только по необходимости.

— Я разобью все в комнате.

— Уберут все хрупкие предметы.

— Я не буду есть.

— Тогда лекарь будет кормить тебя принудительно.

Мира вздрогнула.

Маркус заметил это и продолжил еще холоднее:

— Я не стану спорить с тобой о каждом решении. Ты больше не получишь оружия. Не будешь покидать комнату. И не увидишь меня, пока не научишься держать себя в руках.

— Ты наказываешь меня за то, что сам довел до этого.

— Я ограничиваю угрозу.

— Я для тебя угроза?

— Да.

— Потому что я не склоняю голову?

— Потому что ты готова уничтожить себя, лишь бы не уступить мне.

— Лучше уничтожить себя, чем стать такой, как ты.

Маркус открыл дверь.

Мира подхватила с пола осколок вазы и бросила ему вслед. Осколок врезался в косяк рядом с его головой.

Маркус остановился.

Медленно обернулся.

— Еще раз, — произнес он, — и я прикажу забить окна досками.

— Сделай это.

— Тогда ты не увидишь даже тумана.

— Мне не нужен твой туман.

— Ты понятия не имеешь, что тебе нужно.

— А ты решил, что знаешь.

— Я знаю, что тебе нужна защита.

— Мне нужна свобода.

— Свобода убьет тебя.

— А твоя защита убивает меня медленнее.

Маркус смотрел на нее долго.

Затем вышел и запер дверь.

Мира услышала, как одна за другой на замке загораются печати.

Первая.

Вторая.

Третья.

Она осталась одна среди разбитой посуды и рассыпанных осколков.

Рука болела. На подбородке горела кожа. На запястье темнели следы пальцев Маркуса.

Мира подошла к зеркалу.

Отражение показало ей бледное лицо, растрепанные волосы и взгляд, в котором ярость смешивалась с унижением.

Она коснулась красного следа на подбородке.

— Я не сломалась, — прошептала она.

За дверью послышались шаги Маркуса.

Он не ушел далеко.

Мира поняла это по тишине, в которой слишком отчетливо слышалось его дыхание.

Он стоял по другую сторону двери.

Слушал.

Ждал, что она заплачет.

Что попросит открыть замок.

Что позовет его обратно.

Мира медленно выпрямилась.

Затем подошла к столу, взяла оставшуюся свечу и поставила ее на пол.

— Мира, — донесся его голос.

Она не ответила.

— Не заставляй меня ужесточать правила.

Мира посмотрела на закрытую дверь.

— Тогда не заставляй меня сопротивляться.

— Ты сама выбираешь это.

— Как и ты.

За дверью стало тихо.

Он не ушел.

Она тоже не двигалась.

Впервые их противостояние перестало быть игрой, в которой Маркус заранее знал правила и мог изменить их в любой момент.

Теперь он увидел ее настоящую цену.

Мира не была покорной пленницей.

Не была заложницей, которую можно держать страхом.

И не собиралась становиться заменой женщине из его прошлого.

Она оставалась собой — даже если за это приходилось платить болью.

По другую сторону двери Маркус сжал кулак.

Его раздражение было сильнее прежнего.

Но теперь в нем уже невозможно было не заметить восхищение.

Глава 6. След Лиры

Мира нашла портрет случайно.

Она не искала его. Просто впервые за несколько дней дверь комнаты оставили открытой дольше обычного, и стражник, стоявший в коридоре, отвлекся на разговор со слугой. Мира не упустила возможность.

Она вышла бесшумно, не надеясь уйти далеко. Ей хотелось хотя бы на несколько минут оказаться не в своей комнате, а в другом пространстве — там, где стены не знали каждого ее шага.

Коридор был пуст.

Мира прошла мимо двух закрытых дверей, свернула за колонну и остановилась перед высокой нишей.

На стене висел портрет.

Темная эльфийка смотрела прямо на нее. Мягкая улыбка едва заметно трогала ее губы, а янтарные глаза казались живыми даже под слоем старого лака. Длинные серебристые волосы спадали на плечи, украшенные тонкой цепью. На шее женщины лежал кулон в форме черного листа.

Мира сразу поняла, кто это.

Лира.

Она не знала, как именно, но имя будто уже было написа-

но в самом воздухе.

В портрете не было ни высокомерия, ни холодной красоты, которые Мира привыкла видеть на лицах знатных эльфов. Лира выглядела спокойной. Теплой. Такой, рядом с которой человек мог забыть о собственной осторожности.

Мира долго смотрела на ее улыбку.

Вот кого любил Маркус.

Не просто вспоминал. Не просто хранил ее имя, как старую рану.

Он любил ее так сильно, что эта любовь превратилась в оружие.

Мира заметила маленькую трещину на раме и осторожно провела пальцами по дереву, не касаясь самого холста.

— Не прикасайся к ней.

Голос Маркуса раздался за ее спиной.

Мира обернулась.

Он стоял в нескольких шагах, неподвижный и бледный. В его взгляде не было привычного раздражения. Только холодная ярость — такая резкая, что воздух между ними словно стал тяжелее.

Мира убрала руку.

— Я не собиралась.

— Ты стояла перед ее портретом.

— Это запрещено?

— Для тебя — да.

— Разумеется.

Маркус подошел ближе. Каждый его шаг отдавался в тишине коридора.

Мира не отступила, хотя тело само подсказывало сделать это. Перед ней был не тот сдержанный мужчина, который часами мог молча наблюдать за ней в комнате. Сейчас его спокойствие исчезло, обнажив нечто темное и опасное.

— Я сказала, что не прикасалась к ней.

— Ты прикасалась к раме.

— Рама не Лира.

— Не тебе решать, что и чем является. Твое дело слушаться.

— Ты запрещаешь мне даже смотреть?

— Я запрещаю тебе находиться здесь.

— Тогда повесь рядом табличку. «Не входить. Не дышать. Не смотреть».

Маркус остановился напротив нее.

— Все вы одинаковы.

— Кто — «все»?

— Морти.

Мира почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость.

— Ты даже не знаешь, какая я.

— Мне достаточно знать, к какому роду ты принадлежишь.

— Нет. Тебе достаточно знать, кого ты ненавидишь.

— Морти забирают то, что им нравится.

— Я ничего у тебя не забирала.

Его лицо изменилось.

Не сильно — всего лишь дрогнули скулы, чуть сузились глаза. Но Мира увидела, что попала точно.

— Ты носишь его имя, — сказал Маркус.

— Я не он.

— Ты его дочь.

— И что это должно значить?

— Что ты связана с ним.

— Кровью — да. Преступлениями — нет.

— Так говорят все, кто хочет остаться чистым.

— А ты предпочитаешь заранее обвинять, чтобы не разбираться?

— Я предпочитаю не доверять.

— Это не осторожность, Маркус. Это трусость.

Его рука дернулась, будто он хотел схватить ее, но остановился.

Мира заметила это и подняла подбородок.

— Давай. Ты ведь именно этого хочешь. Запугать меня, чтобы я замолчала.

— Я хочу, чтобы ты ушла.

— Потому что я напомнила тебе, что ты не можешь наказывать моего отца?

— Потому что ты стоишь рядом с ней так, будто имеешь на это право.

Мира снова взглянула на портрет.

— Я просто смотрела.

— Ты не имеешь права смотреть на нее так.

— Как?

— Будто понимаешь ее.

— Я понимаю достаточно.

Маркус резко повернулся к картине.

— Ты ничего не понимаешь.

— Она была доброй.

— Не говори о ней так, будто знала ее.

— Я не говорю, что знала. Я говорю, что это видно.

— Тебе нельзя верить даже собственным глазам.

— А тебе нельзя верить собственным воспоминаниям.

Он посмотрел на нее.

На этот раз ярость в его взгляде смешалась с болью.

Мира увидела ее и почти пожалела о сказанном.

Почти.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — произнес

Маркус.

— Потому что ты ничего не рассказываешь.

— Я не обязан.

— Конечно, нет. Ты вообще никому ничего не обязан. Ни ответов, ни объяснений, ни уважения.

— Не втягивай ее в свои попытки задеть меня.

— Я не втягиваю Лиру. Это ты сделал ее причиной для каждой своей жестокости.

Маркус оказался рядом так быстро, что Мира не успела

отступить. Его пальцы сомкнулись на ее руке выше локтя.

— Замолчи.

— Больно.

Он не отпустил.

— Я сказал — замолчи.

— Ты можешь приказать мне молчать, но не заставишь перестать думать.

— Я могу сделать гораздо больше.

— Знаю. Ты уже показал.

Его пальцы сжались сильнее.

Мира увидела, как в его глазах мелькнуло сомнение. Маркус словно сам услышал собственную жестокость, но вместо того чтобы ослабить хватку, сделал лицо еще холоднее.

— Ты специально провоцируешь меня?

— Ты сам сказал, что мы одинаковы.

— Я сказал, что вы одинаковы.

— Тогда почему ты каждый раз злишься именно на меня?

Вопрос застал его врасплох.

Мира ощутила, как давление на руке ослабевает.

— Потому что ты не умеешь подчиняться.

— Нет. Потому что я напоминаю тебе о ней.

— Ты ничего мне не напоминаешь.

— Лжешь.

Маркус резко отпустил ее.

Мира отступила и прижала руку к груди. На коже уже проступали следы его пальцев.

Он заметил их.

Его взгляд задержался на покрасневшей коже, и на короткое мгновение в нем промелькнуло нечто похожее на сожаление.

Мира усмехнулась.

— Не смотри так. Это же всего лишь след.

— Я не хотел причинять тебе боль.

— Ты никогда не хочешь. Просто каждый раз причиняешь.

— Ты сама не оставляешь мне выбора.

— Это твоя любимая ложь.

— Это факт.

— Нет. Факт в том, что ты можешь отпустить меня, открыть дверь и перестать обращаться со мной как с врагом.

— Ты и есть враг мне.

— Потому что я дочь человека, которого ты ненавидишь?

— Потому что рядом с тобой я не могу забыть, что он сделал.

— Тогда перестань смотреть на меня и видеть его.

Маркус замолчал.

Мира подошла ближе к портрету, но больше не коснулась рамы.

— Лира не была бы довольна тем, как ты со мной общаешься.

— Не смей говорить за нее.

— Почему? Ты говоришь за нее постоянно.

— Ты не знаешь, какой она была.

— А ты знаешь, какой стал ты?

Его лицо стало жестким.

— Осторожнее.

— Ты превратился в человека, которого ей пришлось бы бояться.

Это было жестоко.

Мира поняла это сразу.

Но не успела пожалеть.

Маркус схватил ее за плечи и прижал к стене рядом с портретом. Дерево рамы глухо стукнуло о камень.

— Еще одно слово о ней, — сказал он тихо, — и ты пожалеешь.

— Ты уже заставляешь меня жалеть.

— О чем?

— О том, что вообще пыталась увидеть в тебе человека.

Его взгляд вспыхнул.

— Ты ничего во мне не видела.

— Нет. Я видела боль. А ты превратил ее в оправдание.

— Ты думаешь, что можешь судить меня?

— Ты сам научил меня.

Маркус наклонился ближе.

— Лира умерла из-за твоего народа.

— А теперь ты пытаешься наказать меня за то, что я не совершала.

— Ты ничего не знаешь о ее смерти.

— Тогда Расскажи.

— Нет.

— Боишься?

— Я не обязан отвечать на твои требования.

— Или боишься, что, если Расскажешь, я пойму: ты не такой невинный, каким хочешь казаться?

Он резко отстранился.

— Ты слишком много говоришь.

— А ты слишком мало.

Маркус отошел от нее, словно больше не доверял собственным рукам.

Мира осталась у стены, тяжело дыша. Плечо болело от его хватки, но сильнее боли было другое — ощущение, что она снова коснулась стены, которую он возвел вокруг себя.

И на этот раз трещина появилась с его стороны.

— Ты заставляешь всех склоняться перед твоей болью. Требуешь, чтобы люди уважали твою боль, но сам не способен заметить чужую. Ты говоришь, что Лира была для тебя всем, но превратил ее память в повод унижать меня.

Маркус повернулся.

— Не говори о том, чего не понимаешь.

— Тогда Расскажи мне наконец.

Он смотрел на нее долго.

Мира почти ждала, что он снова схватит ее. Что накричит. Что прикажет стражникам вернуть ее в комнату.

Но Маркус лишь сжал губы.

— Уходи.

— Ты не ответил.

— Я сказал, уходи.

— Тебе нечего сказать?

— Мне есть что сказать.

— Тогда скажи.

— Я не хочу говорить с тобой.

— Потому что я права?

— Потому что ты не заслуживаешь этой правды! Ты не заслуживаешь ничего от меня!

Маркус смотрел на нее с такой яростью, будто хотел уничтожить каждое ее слово.

А потом неожиданно отвернулся.

— Уходи, Мира.

На этот раз она послушалась.

Проходя мимо него, Мира остановилась.

— Я ничего у тебя не забирала, — сказала она.

Маркус не поднял глаз.

— Но ты забираешь то, что я пытаюсь сохранить.

— Что?

— Покой.

— У тебя его давно нет.

Его пальцы сжались.

Мира ушла, не дожидаясь ответа.

В комнате она заперла дверь и прислонилась к ней спиной.

Сердце билось слишком быстро. На коже все еще горели

следы его рук. Подбородок ныл от прежней хватки, плечо отзывалось тупой болью при каждом движении.

Но сильнее всего Миру мучило выражение его лица.

Не ярость.

Не ненависть.

То, как он смотрел на нее после ее слов.

Будто она отняла у него нечто важное.

Будто, сказав, что он превратил любовь в оружие, она разрушила последнюю защиту, за которой он прятался.

Мира подошла к зеркалу.

— Я ничего не забирала, — повторила она отражению.

За дверью не было слышно шагов.

Маркус не пришел.

Но всю ночь он не мог забыть ее голос.

Он помнил, как она стояла под портретом Лиры — маленькая, бледная, но не сломленная. Помнил злость в ее глазах. Помнил, как ее рука дернулась, когда он сжал ее плечо, и как она все равно не отвела взгляда.

Маркус привык к страху.

К нему относились настороженно, почтительно, с ненавистью. Люди старались не задевать его старые раны, потому что знали: за ними следуют последствия.

Мира не старалась.

Она входила прямо в его боль, словно не боялась обжечься.

И хуже всего было то, что он не мог решить, хочет ли он

остановить ее или услышать еще.

Маркус сидел в темной комнате напротив портрета Лиры. Янтарные глаза с холста смотрели на него спокойно, почти печально.

— Она не имеет права, — сказал он тихо.

Но собственный голос прозвучал неуверенно.

Мира не имела права говорить о Лире.

Не имела права обвинять его.

Не имела права смотреть на портрет так, будто могла понять хоть что-то.

И все же ее слова не исчезали.

Ты носишь свою боль, словно корону.

Маркус провел рукой по лицу.

Он хотел ненавидеть ее за это.

Хотел приказать усилить охрану, отнять у нее книги, оружие, возможность выходить из комнаты. Хотел доказать, что она всего лишь дочь врага и ничего больше.

Но перед глазами снова возникал ее взгляд.

Не покорный.

Не испуганный.

Живой.

Маркус сжал челюсти.

Мира ничего у него не забирала.

Он знал это.

Она не отнимала Лиру. Не разрушала его прошлое. Не заставляла его помнить.

Она лишь увидела след этой памяти — и назвала его болью.

А Маркус всю жизнь делал вид, что это корона.

На рассвете он подошел к двери ее комнаты.

Рука легла на замок.

Он мог открыть дверь.

Мог войти и потребовать извинений.

Мог снова напомнить ей, кто здесь хозяин.

Но за дверью было тихо.

Мира, вероятно, спала.

И впервые за долгое время Маркус не захотел будить ее.

Он убрал руку от замка.

Затем, помедлив, снял с пояса ключ от галереи и положил его на каменный подоконник.

Не как подарок.

Не как извинение.

Просто оставил.

Чтобы утром Мира увидела: портрет Лиры больше не был для нее запретным местом.

Маркус ушел, не зная, что Мира не спала.

Она слышала его шаги.

Слышала, как он остановился у двери.

Слышала, как долго стоял в тишине.

Но не знала о ключе.

И не могла забыть его руки на своих плечах, его ярость и то мгновение, когда он впервые отступил не потому, что

проиграл, а потому, что испугался самого себя.

Глава 7. Побег

Мира ждала три дня.

Она не торопилась. Не показывала, что заметила перемены в распорядке, не задавала лишних вопросов и не спорила со слугами. Напротив — стала почти покорной.

Ела то, что приносили.

Не трогала замки.

Не пыталась разбить посуду.

Даже перестала требовать встречи с Маркусом.

Слуги расслабились первыми.

Они решили, что заточение наконец сломило ее сопротивление.

Именно этого Мира и добивалась.

Вечером, когда служанка принесла ужин, Мира сидела на кровати, опустив голову. Она не подняла глаз, когда девушка вошла и поставила поднос на стол.

— Я не буду есть, — тихо сказала Мира.

— Господин Маркус приказал, чтобы вы...

— Я знаю.

Служанка замолчала.

Мира выглядела усталой. Бледной. Безразличной.

Она позволила себе даже слегка пошатнуться, когда поднялась.

— Мне нужно лечь.

— Позвать лекаря?

— Нет.

— Вы уверены?

Мира медленно кивнула.

Служанка забеспокоилась и подошла ближе.

Этого Мира и ждала.

Она резко схватила со стола кубок и плеснула водой ей в лицо.

Пока служанка вскрикнула и закрыла глаза, Мира толкнула ее в сторону, выскользнула в коридор и захлопнула дверь.

Ключ уже был у нее.

Мира вытащила его из кармана платья — тот самый, который Маркус оставил на подоконнике у галереи.

Замок поддался.

За дверью слышались крики.

— Стража!

Мира побежала.

Она знала, что долго не продержится. Замок был слишком большим, коридоры — слишком запутанными, а стража — слишком многочисленной. Но ей не требовалось добраться далеко.

Только выбраться.

Она свернула к лестнице, спустилась на два пролета и побежала в боковую галерею. Там находилась дверь для слуг — узкая, почти незаметная среди каменной кладки.

Мира видела ее раньше.

Замок на двери был старым.

Браслет на ее запястье вспыхнул, когда она коснулась запора, но Мира стиснула зубы и продолжила. Металл нагрелся, боль прошла по руке, однако замок со скрипом открылся.

Она толкнула дверь.

В лицо ударил холодный воздух.

Мира выбежала наружу.

Позади уже звучали шаги.

Она пересекла двор, не разбирая дороги, и скрылась между деревьями.

Лес сомкнулся за ее спиной.

Мира бежала, пока хватало сил.

Ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду и царапали руки. Под ногами скользила влажная земля. Камни больно впивались в подошвы, но она не останавливалась.

Замок быстро исчез за деревьями.

Остались только высокие стволы, темные кроны и серый вечерний свет.

Мира не знала, куда направляется.

Ей было достаточно знать, куда она не вернется.

Она продолжала пробираться вперед, пока дыхание не стало рваным. Браслет тянул руку вниз, словно напоминал о невидимой цепи. Каждый шаг отдавался болью в груди.

Но замок остался позади.

Она была снаружи.

Свободна.

Мира остановилась у старого дерева и прижалась к его

стволу. Несколько секунд она просто пыталась восстановить дыхание.

Тишина леса казалась непривычной.

Ни шагов стражи.

Ни скрипа дверей.

Ни голоса Маркуса.

Мира закрыла глаза.

— Я выбралась, — прошептала она.

В ответ из темноты донесся низкий шорох.

Мира открыла глаза.

Между деревьями что-то двигалось.

Сначала она увидела две пары бледных глаз.

Потом еще одну.

Теневые звери отделились от тьмы почти бесшумно. Их тела напоминали крупных хищников, но очертания постоянно менялись, словно они были сотканы из дыма. Длинные лапы заканчивались острыми когтями, а пасти раскрывались слишком широко.

Мира отступила.

Звери окружали ее.

Она вытащила кинжал.

Рука дрожала от усталости, но хватка оставалась крепкой.

Первый зверь прыгнул.

Мира успела отскочить. Когти прошли в нескольких сантиметрах от ее лица. Она взмахнула кинжалом и задела темную шкуру.

Зверь отшатнулся, издав глухой рык.

Второй бросился сбоку.

Мира развернулась, но опоздала.

Когти распороли ткань на ее боку.

Боль вспыхнула мгновенно.

Мира вскрикнула и упала на одно колено. На одежде быстро расплзлось темное пятно.

Звери сомкнули круг.

Она попыталась подняться, но ноги подломились. Браслет зажегся болезненным светом, будто чувствовал опасность и отвечал на нее собственной болью.

Мира сжала кинжал обеими руками.

— Не подходите.

Теневые звери не остановились.

Один из них прыгнул прямо на нее.

В этот момент воздух разорвал знакомый голос:

— Мира!

Зверь замер в полете.

Маркус вышел из-за деревьев.

На его лице не было привычного равнодушия. Он двигался быстро, почти стремительно, и вокруг его руки сгущалась черная магия.

— Отойди от нее.

Звери повернули головы.

Маркус поднял ладонь.

Одно движение.

Тьма сорвалась с его пальцев волной.

Она прошла между деревьями, не задев Миру, и ударила в зверей. Теневые тела разорвало на бесформенные клочья дыма. Хищники исчезли мгновенно, будто их никогда не существовало.

Лес снова погрузился в тишину.

Мира осталась на колене, прижимая ладонь к боку.

Маркус оказался рядом через несколько секунд.

— Где ты ранена?

— Не подходи.

Он не обратил внимания на ее слова.

— Мира.

— Я сказала, не подходи.

Маркус опустил перед ней на одно колено и убрал ее руку от раны. Мира попыталась оттолкнуть его, но сил почти не осталось.

— Убери руки.

— Ты истекаешь кровью.

— Я справлюсь.

— Ты едва сидишь.

— Все равно справлюсь.

Он осмотрел порез. Глаза Маркуса стали темнее.

— Поднимайся.

— Я никуда с тобой не пойду.

— Ты не можешь оставаться здесь.

— Могу.

— Нет.

— Я свободна.

Маркус резко поднял ее на руки.

Мира вскрикнула и ударила его кулаком в грудь.

— Поставь меня!

Он крепче прижал ее к себе, одной рукой поддерживая под коленями, другой — за спиной.

— Ты безрассудна.

— Я свободна.

— Ты была свободна, пока твой отец не решил принести Лиру в жертву.

Мира замерла.

Маркус продолжал идти через лес, но теперь его шаги были тяжелыми и неровными. Он держал ее слишком крепко, словно боялся, что она снова выскользнет из рук.

— Что ты сказал? — прошептала Мира.

— Ты слышала.

— Мой отец не...

— Не смей защищать его.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Ты ничего не знаешь.

— Тогда почему обвиняешь меня?

— Я не обвиняю тебя.

— Ты держишь меня как пленницу!

— Потому что ты чуть не погибла.

— Это мой выбор.

— Нет. Это безумие.

Мира попыталась отстраниться, но резкая боль в боку заставила ее сжать зубы.

Маркус почувствовал движение.

— Не шевелись.

— Не командуй мной.

— Хотя бы сейчас послушайся.

— Почему? Чтобы ты снова запер меня?

— Чтобы ты осталась жива.

— Я не просила тебя себя спасать.

— Мне все равно, просила ты или нет.

Он сказал это слишком резко.

Мира подняла взгляд.

И впервые увидела на его лице не ярость.

Страх.

Настоящий, неприкрытый страх.

Он был едва заметен: в напряжении вокруг глаз, в слишком крепкой хватке, в том, как Маркус время от времени смотрел на ее лицо, проверяя, не потеряла ли она сознание.

Но он был.

Мира замолчала.

Маркус шел дальше, не оглядываясь. Его дыхание оставалось ровным, однако руки выдавали его лучше любых слов.

Он боялся.

Не за замок.

Не за побег.

За нее.

— Ты испугался, — сказала Мира.

Маркус не ответил.

— Маркус.

— Замолчи.

— Ты испугался, что я умру.

— Я сказал, замолчи.

— Поэтому ты так быстро пришел?

— Я почувствовал, что браслет сработал.

— Ты следил за мной?

— Я искал тебя.

— Почему?

Он остановился.

Мира почувствовала, как напряглось его тело.

— Потому что ты безрассудная и взбалмошная.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Ты всегда так говоришь.

Маркус посмотрел на нее.

В его глазах все еще оставался страх, но теперь он снова попытался спрятать его за жесткостью.

— Если бы я пришел позже...

Он не закончил.

Мира впервые не стала требовать продолжения.

В лесу было тихо. На ее одежде темнела кровь, а рука Маркуса удерживала ее так, будто он боялся отпустить даже на

МГНОВЕНИЕ.

— Ты хотел, чтобы я осталась в замке, — тихо сказала она.

— Да.

— Чтобы я не сбежала.

— Да.

— Не потому, что хотел наказать меня.

— Не только поэтому.

— А потому что знал, что здесь опасно.

— Я знал, что ты не выживешь одна.

— Ты мог сказать.

— Ты бы не поверила.

— Ты даже не пытался объяснить.

— Ты не слушала.

— Ты не говорил.

Маркус сжал губы.

Мира снова посмотрела на его лицо.

Страх почти исчез, но не до конца. Он остался в нем тенью

— глубокой и тяжелой.

— Ты думаешь, я похожа на Лиру? — спросила она.

Маркус резко отвернулся.

— Не спрашивай.

— Поэтому ты так разозлился, когда увидел меня у ее
портрета?

— Мира.

— Поэтому не позволил мне уйти?

— Замолчи.

— Ты боишься потерять и меня?

Он посмотрел на нее.

— Я боюсь, что ты умрешь из-за того, что не умеешь отступать.

— Это не одно и то же.

— Для меня — одно.

Мира ничего не ответила.

Маркус снова пошел вперед, неся ее сквозь лес.

Она чувствовала биение его сердца под ладонью, которую невольно прижала к его груди. Оно было быстрым — слишком быстрым для человека, который пытался казаться спокойным.

Мира могла бы продолжить спор.

Могла бы снова потребовать поставить ее на землю.

Но теперь видела: он действительно боялся.

И это пугало ее сильнее, чем его ярость.

Потому что ярость Маркуса была привычной.

А страх означал, что ее жизнь действительно имела для него значение.

Маркус крепче прижал ее к себе.

— Больше никогда не делай этого.

— Не обещаю.

— Мира.

— Я не обещаю.

Он посмотрел на нее сверху вниз.

— Ты невыносима.

— Зато свободна.

— Ты едва не погибла.

— Но не погибла.

— Благодаря мне.

— Я не просила.

— Я знаю.

— Тогда не жди благодарности.

— Я и не жду.

Они снова замолчали.

Маркус нес ее дальше, туда, где между деревьями уже виднелись каменные стены замка.

Мира закрыла глаза от усталости.

Последнее, что она увидела, прежде чем веки опустились, — лицо Маркуса.

Он смотрел на нее не с раздражением и не с ненавистью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.